

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

МОСКВА

ВРАТА
ДЕМОНОВ

Александр Прозоров
Москва – Врата Демонов

«ЭКСМО»

2014

Прозоров А. Д.

Москва – Врата Демонов / А. Д. Прозоров — «Эксмо», 2014

Появление дракона в Лефортовском парке Москвы никого не удивило... Громадный, покрытый чешуей, крылатый ящер восхитил, конечно, некоторых прохожих, особенно молодых, удивительной реалистичностью исполнения и бесшумностью механизмов, им управляющих, да и только. День был хоть и летним, но будничным, и москвичи спешили по своим делам, не подозревая, что вскоре целая армия драконов, великанов, русалок, лесных чародеев и альвов хлынет на столичные улицы. Станут ли альв Величар, дракон Огнезар, волхв Атрамир врагами москвичей XXI века – капитана Кисура, старлея Чикинина и профессора Добрякина? Ведь если Врата Демонов открылись – древняя обида должна быть отомщена...

© Прозоров А. Д., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Эпоха безверия	12
Клоуны	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Прозоров

Москва – Врата Демонов

Все события являются вымышленными.

Связь с реальными лицами, фактами и организациями случайна и непреднамеренна.

Вера – это «лампочка» внутри человека, его внутренний свет. Помните, как в детстве, когда темно и страшно, зажигается ночник, фонарик, лампа. Свет приходит, и страхи исчезают. День рассеивает наши тревоги, ночь их усиливает.

Но бывает и так, что «лампочка» перегорает. И тогда Внутренний Свет гаснет, и наступает темнота... В эти самые моменты у человека эпоха Веры сменяется эпохой Безверия. Начинается самый страшный период жизни – тьма.

«Слово пастыря» № 7 1990 г.

© Прозоров А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Пролог

Появления огнедышащего дракона в жаркой полуденной Москве почти никто не заметил. Разве только маленькая Иришка, которую торопливо тянула за руку по дорожке сосредоточенная молодая мать, вскинула руку, указывая в густой пыльный кустарник, и громко спросила:

– Мама, а динозаврик живой?

– Нет, деточка, им дяди изнутри управляют, – буркнула женщина, не поворачивая головы, и увела ребенка в тень, под древесные кроны Лефортовского парка.

После слов малышки еще несколько прохожих подняли взгляды к широкой, чуть приплюснутой голове размером с письменный стол, коричневой, с белым чешуйчатым подбородком и двумя желтыми змеиными глазами, украшенными черными вертикальным зрачками. Голову разрезала поперек начинающаяся чуть ли не от самой шеи пасть. Шея тоже была не маленькой: она имела не меньше пяти метров длины, была пятнистой от бурой, сизой и зеленой чешуи, растущей аляпистыми пятнами. Такую же бессмысленную окраску имело и тело, мало уступающее габаритами крупному городскому троллейбусу, и крылья, покамест плотно прижатые к бокам, и лапы – каждая толщиной с измученного пивом мужика, – и довольно длинный хвост, завершающийся желтоватым костяным острием...

В общем, дракон был еще крепким красавцем – хотя размеры его и бледные зрачки наглядно доказывали, что пожил зверь уже немало, набрался житейского опыта и был скорее мудрым, нежели храбрым и горячим.

Двое прохожих вытянули телефоны, дабы сделать на память фотографию, другие, полюбовавшись, опустили головы и устремились дальше по своим делам, сосредоточенно глядя себе под ноги и хмурясь в лад важным мыслям.

Впрочем, дракон и сам вел себя с предельной аккуратностью. Выбравшись из дрожащего возле Головинского пруда марева, он надолго затаился в кустарнике, вытоптав от силы половину посадок вдоль низких хозяйственных построек, и лишь водил головой из стороны в сторону, всасывая воздух треугольными желтыми ноздрями, глядя на гуляющих людей, на низкие дома за близким кирпичным забором и высотки вдалеке, на другом берегу Яузы. В эти минуты он и вправду напоминал скорее надувной батут, нежели смертоносного хищника. Разве только сделанный более аккуратно, нежели обычная виниловая поделка – без грубых швов и ярких расцветок, с рельефными мышцами, прочными кожистыми крыльями и ровными глянцевыми чешуйками, плотно прилегающими одна к другой.

Насидевшись на одном месте и убедившись в своей безопасности, дракон приподнялся на ноги, медленно выбрался из зарослей на пешеходную дорожку, вынудив резко затормозить двух велосипедистов и отступить в сторону прогуливающих пенсионеров.

– Охренеть! – Отставив ногу, один из велосипедистов сдвинул вперед заплечную сумку, достал из нее «айпод», направил камерой на зверя: – Вадька, ты глянь, какой крутой манекен кто-то забабахал! Прямо как живой! Сегодня в жижу скину – не поверит никто. Скажут, на компе нарисовал.

– Бесшумно работает, – кивнул его напарник. – Пневматика, наверное. Электрике такую тушу без платформы не потянуть.

Остальные отдыхающие, оказавшиеся на пути дракона, гадать не стали – просто расступились перед неуклюжим сооружением, неспешно переставляющим когтистые лапы. Хотя посматривали на уникальное творение неведомых конструкторов со вполне понятным интересом.

Таким образом зверь вполне мирно и спокойно добрал до ворот, шагнул за них, оказавшись на залитой горячим асфальтом Красноказарменной улице. Здесь, на краю тротуара, он опять остановился и надолго замер, провожая взглядом носящиеся туда-сюда автомобили.

– Аккумуляторы, кажись, сдохли, – сделали вывод велосипедисты, снимавшие на планшет короткое путешествие дракона, и поднялись в седла.

Стали расходиться и другие собравшиеся было зеваки. Впрочем, немногочисленные. Рабочий день, жара, полдень. Откуда взяться бездельникам?

Дракону, похоже, стало интересно, что это за бегающие по дороге разноцветные штуковины, и он, хорошенько вытянув шею, посмотрел вдоль улицы.

И тут произошла мелкая, даже крохотная, досадная случайность, навеки изменившая будущее сразу двух миров, поломавшая тысячи судеб и переиначившая сотни жизней: зверь чуть приподнял голову и коснулся мордой висящих над крайней полосой троллейбусных проводов.

Оглушительный треск, желтое сияние дуги, россыпь искр – дракон исторг низкий утробный вой, весь выгнулся, шарахнулся из стороны в сторону, распахнув пасть и растопырив крылья, а тяжелый хвост его заметался над тротуаром, снося людей, словно легкие пластиковые кегли. С визгом тормозов во внезапно выскочившую на дорогу тушу врезались сразу две машины, одна из которых порвала зверю мохнатую перепонку крыла – и дракон снова взревел от боли, затопал дальше вдоль улицы, крутя головой и грозно выставляя клыки... И вышел на трамвайные рельсы.

Прикосновение спины к контактному проводу вызвало новый всплеск молний, скрутивших тело огромного зверя судорогами. С отчаянным, почти человеческим криком дракон попытался вырваться из неожиданной ловушки – поднялся на задние лапы, раскинул крылья, перекрыв всю улицу от дома до дома, взмахнул ими, подпрыгнул... Но растяжки проводов оказались для зверя слишком тесными, и первым же движением он вырвал из креплений несколько тросов, застрял в других, перемикая провода троллейбусные и трамвайные, кутаясь в целое облако искр и молний, распарывая о них кожу крыльев, обжигая тело и теряя чешую. Новый рывок привел лишь к тому, что могучий зверь покатился вниз, к Яузе, на Головинскую набережную, где в него на всей скорости врезался вылетевший из-под моста туристический автобус, а идущая в соседнем ряду легковушка с лихостью прокатилась по краю кровотокающего крыла.

Этого дракон вынести уже не смог: он резко пригнул голову, распахнул пасть и ударил по злобным и холодным глянцево-слюдяным чудовищам длинной густой струей темно-малинового пламени. Легковушка из-под удара выскользнуть успела, но несущиеся следом за ней машины и автобус – нет. На кузовах моментально обуглилась краска, полопались, обращаясь в мелкую крошку, стекла. Перепуганные люди с криками ринулись из машин наружу, выпрыгивая из автобуса прямо из окон, – но дракон этого уже не видел. Он отчаянно карабкался вверх по склону, стряхивая с себя путаницу искрящихся проводов и тросов, вздрагивая судорогами из-за разрядов, шипя и плюясь огнем во все, что двигалось и шевелилось.

К счастью, рвался зверь не на улицу, а в парк, куда и вломился, спалив по пути лишь несколько автомобилей, светофор и ни в чем не повинный кассовый павильон. Стремительно промчавшись между деревьями, теперь уже безжалостно сметая людей на своем пути, дракон добежал до кустов у Головинского пруда, влетел в них и бесследно растворился в дрожащем воздушном мареве, похожем на подвешенную на невидимых тросах тонкую и чистую полиэтиленовую пленку, слегка колышимуую ветром.

* * *

Три автобуса с ОМОном примчались на место происшествия уже через полчаса. Два остановились на набережной, один – напротив главного входа в Лефортовский парк, втиснувшись носом между двух «скорых». Бойцы стали быстро выгружаться, ныряя под красно-белую пластиковую ленту, огораживающую место происшествия. От вида сгоревших легковушек и

обугленного автобуса, колеса которого еще продолжали дымиться, лица бойцов сразу становились серьезнее.

– Что здесь происходит, лейтенант? – Омоновец с капитанскими погонами остановился возле полицейского, сидящего на капоте бело-синего патрульного «Форда».

– Восемь человек с ожогами разной степени, – спокойно ответил тот, – шестеро с переломами. Свидетели утверждают, что какой-то механизм со встроенным огнеметом выполз из ворот, снес контактную сеть, спустился вниз к Яузе, там спалил несколько авто, потом вернулся обратно в парк, поломав две заборные секции, и скрылся между Головинским прудом и дворовыми хозпостройками по Красноказарменной улице.

– Прямо как по протоколу шпаришь, – усмехнулся омоновец.

– Так я и составлял, – пожал плечами полицейский.

– А кроме протокола чего-нибудь есть?

– Ну... люди в шоковом состоянии всякое наговорить способны, – вздохнул полицейский. – Скажем так, одна свидетельница опознала хулигана как Змей-Горыныча из мультика.

– Чего-о?!

– Двенадцать лет свидетельнице, – хмыкнул полицейский. – Но кричала громче всех, и с немалым восторгом. Имеется мысль, что кто-то построил крупное самоходное чучело для съемок или праздника, но переборщил с механизмом огня. Давление там слишком большое или горючий состав неудачный – не знаю. Теперь этот изобретатель или уже удрал, пока не поймали, или перепугался больше всех остальных и может сдуру еще чего учудить. В общем, мы туда, к пруду, на всякий случай не совались. Попасть в рубашке под керогаз как-то неохота. Периметр оцепили, гражданских вывели. Ждем.

– Это правильно, – согласился омоновец. – Подставляться по дури последнее дело... Огнестрела точно не было?

– Нигде никаких следов пулевых отверстий, свидетели стрельбы не слышали, стрелков не наблюдали.

– Уже хорошо... – задумчиво кивнул омоновец. – Тогда, пожалуй, и мы резиноплюями обойдемся.

– Может, сперва пожарных попытаться внутрь загнать? – предложил полицейский. – Они клянутся, брандспойт на сто метров бьет. Если что, водой сразу залиют.

– Обойдемся. Штурмовая экипировка не горит, – потер подбородок капитан. – Там же не огнеметный танк, в конце концов!

– Зачем подставляться? – напомнил полицейский. – Вдруг в парке не дурачок с юмором, а кретин серьезный, да еще не один?

– Коли серьезный, то отступим и будем действовать по обстоятельствам, – отрезал омоновец. – Сперва вежливо проверим, а там разберемся. Может, там стволы. Зачем пожарных под пули подставлять? – Офицер подумал и уточнил: – Однако дорогу вы им все-таки обеспечьте. Если изобретатели хреновы дурить начнут, то им, может быть, придется потом заехать и очаги возгорания залить. Но без команды пусть не суются, понятно?

– Само собой, – зевнул полицейский и поднялся с капота. – Тогда пойду толпу из-под колес разгонять.

Омоновцы снаряжились быстро и привычно: тяжелые высокие берцы, в которые заправлены свободные черные штаны, пластиковые наколенники, наплечники и налокотники, пухлые перчатки с мягкими накладками, плотно притянутые к телу толстые бронежилеты, мрачные балаклавы из негорючего «номекса», темные глянцевого шлемы. Подтянулись к воротам парка: полста бойцов со щитами и резиновыми палками, десятеро – с помповыми ружьями, снаряженными патронами с пластиковыми пулями.

– Стекла на шлемах сразу опускаем! – громко скомандовал капитан. – Противник может применить зажигательные средства, так что открытых участков тела не оставляем! Осмотрелся

сам – осмотри товарища... Если начнут кидать бутылки или использовать огнеметы, разрешаю применять травматическое оружие без предупреждения. Все поняли? Тогда выдвигаемся. Первое отделение, вперед!

Бойцы, прикрываясь легкими алюминиевыми щитами, ступили в ворота, быстро прошли по дорожке, повернули направо и выстроились в две шеренги, наступая между деревьями редкой цепью. Продвинулись вдоль пруда и хозпостроек до жаркого дрожащего марева, вошли в него, огибая выступающее вперед одинокое здание, больше всего похожее на заколоченный туалет, и...

– О, блин... – изумленно выдохнул капитан, увидев перед собой ровные ряды огромной, многотысячной армии, выстроенной от края и до края на раздольном открытом поле, заканчивающемся лишь где-то далеко сочно-зеленой полоской лесных крон. Густой коричневый частокол вскинутых к небу копий с блестящими наконечниками, овальные щиты, украшенные оскаленными мордами львов и тигров, звездами и просто разноцветными кольцами, панцири и мохнатые шкуры на плечах, разрисованные белой, красной, синей краской лица, шлемы в виде черепов, звериных голов и птиц с опущенными крыльями. И все это – уходящие к горизонту ряды, многие и многие сотни. Тут и там среди людских отрядов сидели, сложив крылья, чешуйчатые динозавры, возвышались великаны ростом под десять метров, которые опирались на дубины, сделанные из цельных стволов дерева.

– Декорации? – неуверенно произнес кто-то из омовцев.

«Декорации» внезапно взревели, испуская грозный боевой клич, опустили копья и ринулись в атаку.

Капитан сглотнул, все еще надеясь на то, что происходящее обернется каким-то спецэффектом или розыгрышем, но... но такие шутки – это уже проблема шутников, а не его.

– Огонь!!! Смыкаемся! – крикнул он, готовясь встретить нападение многократно превосходящей толпы.

Идущие по краям омовской шеренги стрелки вскинули «помпушки», оглушительно грохнули первые выстрелы, ничуть нападающих не вразумившие. Пули бессильно ударяли в щиты и отлетали, кувyrкаясь, обратно в стрелков.

– По ногам стреляйте! – приказал капитан, отходя за строй своих бойцов. Без щита и палки стоять впереди было просто глупо.

Стволы ружей опустились, несколько быстрых залпов сбили с ног добрый десяток людей из фантастичной массовки. Но бессчетная толпа этого даже не заметила и с грозным воем врзалась в шеренгу, всерьез пытаясь разбить шлемы и продырявить бронежилеты каменными наконечниками. Что до щитов, то тонкий дюраль оружие атакующих пронзало, словно бумагу, застревая в пробоинах, – и их пришлось бросить.

К счастью, нанизанные на пики щиты сделали копья бесполезными. Массовке пришлось их оставить, хватаясь за дубинки и деревянные мечи. Омовцы, пользуясь заминкой, выхватили баллончики с перцовым газом и электрошокеры.

Дикари, влетая в облака газа, теряли ориентацию, кружились, закрывали глаза, продолжая, однако, бить полицейских своим оружием. По счастью, нецельно, наугад. А некоторые, излишне сблизившись, получали удары шокером и в судорогах падали на землю.

Возможно, будь силы хоть как-то сравнимы, ОМОНу атаку удалось бы остановить. Однако на замену чихающим, кашляющим, падающим воинам тут же появлялись все новые и новые, мечущие вперед копья, прячущиеся от пуль, газа и шокеров за щитами, бьющие дубинами и непрерывно напирющие...

Тонкие шеренги полиции не столько разгромили, сколько просто вынесли, выдавили обратно к дорожкам Лефортовского парка – и к воротам. ОМОНу пришлось бежать. Причем очень многие, под прикрытием товарищей, отпугивающих странного врага газом и дубинками,

уходили с разбитыми шлемами, местами прорубленными почти до головы, а другие – придержа живая сломанные руки или подволакивая окровавленные ноги.

Бронежилеты копьям и дубинкам оказались не по зубам, но вот рукава и штанины полицейских почти не защищали. На подступах к воротам строй уже рассыпался, и толпа раскрашенных агрессивных нападающих вот-вот должна была смять, растоптать последних бойцов... Но тут внезапно взвыл на высоких оборотах двигатель одного из пожарных «ЗИЛов», и из лафетного ствола, смонтированного на его крыше, с шипением ударила струя воды, сбивая атакующих с ног, опрокидывая их вместе со щитами, которыми воины попытались прикрываться.

Неожиданная помощь позволила омовцам отступить за ворота. Крашенные дикари попятились, но не успели бойцы облегченно перевести дух, как из-под пыльных крон полудохлых парковых деревьев взметнулась туча стрел, крутой дугой мелькнувших над решеткой и просыпавшихся на «ЗИЛ», на полицейских и на собравшихся за красно-белой полосатой лентой зевак. Послышались крики раненых, ругань оцарапанных, толпа ринулась врассыпную. Машине тоже досталось крепко: каменные наконечники с легкостью пробивали тонкое железо капота, крыши, бортов – и там застревали, отчего через минуту уже казалось, будто пожарный автомобиль вздыбил от ужаса шерсть.

Однако бойцы в кабине атаки не испугались и, когда противник снова сунулся к воротам, опять ударили плотной и тяжелой, как железный лом, струей воды по щитам, лицам и ногам дикарей. В ответ в капот, крышу и подножку двери прилетели три копия – однако враг опять отступил, прячась за столбы ограды.

Омовцы отошли к автобусам, капитан в полный голос орал в рацию, требуя подкрепления, поддержку «техникой» и докладывая о сорока «трехсотых», примерно то же самое говорил в свой микрофон спрятавшийся в истыканный стрелами «Форд» лейтенант. Медики из трех дежурных «Скорых» торопливо тянули в свои машины раненых зевак. Прохожие, которые могли ходить, улепетывали, поскольку стрелы продолжали и продолжали сыпаться. Если бы их целью был не «ЗИЛ», а толпа, то пострадавших наверняка оказалось бы в десятки раз больше.

Вскоре в калитке показался раскрашенный в полоску воин, с рысьей шкурой на плечах и кошачьей мордой на голове. С натужным выкриком он метнул копье точно в основание пожарного лафета. Дикари радостно взвыли, снова ринулись вперед – и опять попятились, получив в лица жесткую холодную струю.

Вдруг «ЗИЛ» накрыло тенью, и сверху на машину обрушился, словно опрокинутый из огромного ведра, поток густого малинового пламени. Краска по всему корпусу моментально вспучилась лохмотьями и полезла, металл под ней потемнел, стрелы вспыхнули сотнями маленьких факелов, а когда лопнуло стекло – водитель не выдержал, воткнул заднюю передачу и вдавил педаль газа, спасаясь от нестерпимого жара. Тяжелый автомобиль рванулся назад, сминая и расталкивая собравшиеся позади «Скорые», вырвался на проезжую часть, с ходу врезался задним бампером в припаркованные на противоположной стороне легковушки и остановился огромным огненным факелом – пламя горящих стрел сливалось воедино.

Несмотря на ужасный внешний вид, «ЗИЛ» оставался на ходу, двигатель работал ровно и уверенно, и даже в кабине, лишившейся стекол, было хоть и жарко, но вполне терпимо. И двое пожарных в немом оцепенении наблюдали, как из ворот парка волна за волной выхлестывают бесчисленной нескончаемой толпой торжествующие дикари – в шкурах и панцирях, в украшенных перьями шапках и шлемах из черепов, с копьями, щитами, каменными топорами и палицами, с луками, из которых они постоянно и яростно стреляли во все стороны, норовя истыкать ими едущие по набережным машины. Дикари растекались по улице, сворачивали во дворы, спускались к набережной Яузы и перебежали через мост, заполняя Москву сюрреалистическим безумием.

А над всем этим бредом, широко раскинув крылья, кружили чешуйчатые драконы, время от времени пикирующие вниз и испускающие струи пламени, метаясь в самые крупные грузо-

вики и автобусы. Один из этих фантастических ящеров, круто спикировав, стремительно опустился на крышу сверкающей синими стеклянными стенами высотки «Следственного комитета России» – прямо рядом с гордым триколором, – распахнулся, выпятив грудь и вытянув вперед голову, и гордо протяжно заклекотал, торжественно провозглашая городу свою сокрушительную победу!

Эпоха безверия

Большой Совет Спасенных собрался в пропахшем липовой сладостью Волосовом овраге, у священных камней, лежащих неподалеку от величавой Москвы-реки. В обычном святилище все посланцы поместиться просто не могли. Ведь если в Малом Совете от народов рек, альвов, волотов, гмуров, людей и драконов выступало по два избранника – по мудрецу и воину, то на Большой Совет съезжались избранники уже не от народов, а от уделов – их же в Спасенных Землях набирался не один десяток. Здесь, в облагороженном урочище, склоны которого заплетали, складываясь в ступени, древесные корни, а крышу заменяли густые ветви могучих многовековых дубов, места хватало на всех.

По издревле заведенному обычаю, внизу, возле нижнего Птичьего камня, расселись мудрые альвы, хранители знания. Худощавые и седовласые – других лесные отшельники в мир никогда не выпускали, воспитывая своих отпрысков столетиями, – одетые в замшевые плащи и длинные рубахи из простого белого полотна, сами бледнолицые и белоглазые, чародеи были тихи и спокойны, читая над камнем некие неведомые никому заклинания.

Чуть выше них по склонам расселись немногочисленные малорослые гмуры, обитатели пещер и ущелий. Горы окаймляли Спасенные Земли лишь далеко по краям, пещер в них было и того меньше, а потому многочисленностью гмуры похвастаться не могли. Равно как расположившиеся чуть не вперемешку с ними посланцы речного народа, по большей части состоящего из женщин. Так уж сложилось, что речное племя, такое же таинственное и чародейское, как альвы, но не столь мудрое и не склонное к союзам, связывало себя кровными узами с обычными смертными. Рожденных девочек навьи, русалки, болотницы всегда оставляли себе, мальчиков же почти всегда подбрасывали отцам. Жители вод сторонились забот сухопутных народов, и потому многие их роды своих представителей не высылали в Советы вовсе.

Дальше расселись могучие волоты, кожа которых грубостью и цветом напоминала известняк, круглые глаза состояли, казалось, из одного только зрачка, носы были приплюснуты, уши свисали бесформенными тряпками, а зубы выглядели грубыми гранитными валунами, зачехлено напиханными в рот. Длинные волосы великанов опускались им до пояса и были благородно заплетены в косы. По этим косам легко определялось число детей у каждого: одна коса – один ребенок. По правую руку заплетались косы в честь мальчиков, по левую – в честь девочек. Иным из посланцев повезло иметь только мальчиков или только девочек, и потому вид они имели крайне забавный.

Одевались волоты в рубахи из груботканой дерюги и штаны из сыромятных шкур. Говорят, когда-то давно они постоянно носили одежду, плетеную из ивовых прутьев и обшитую кожей, и, только сдружившись с людьми, перешли на ткань, оставив прежние грубые прочные одеяния разве что для битв. Обычное полотно оказалось для них слишком тонким, непрочным, а потому великаны предпочитали дерюгу из неказистого, но прочного лыка. Впрочем, при росте впятеро больше человеческого, в дерюге, они смотрелись ничуть не хуже, чем люди в тонких льняных сорочках. Конечно, в праздники волоты одевались куда красочнее. Рубахи – это так, одеяние повседневное.

И, наконец, на самом верху, по разным сторонам оврага, разместились люди и драконы. Обычай размещать их подальше друг от друга тоже был стар, как мир спасенных, ибо среди прочих народов именно люди и драконы отличались безмерной воинственностью. Там, где альвы предпочитали скрыться в лесах, а гмуры – в пещерах, там, где даже волоты предпочитали отступить, люди и драконы неизменно кидались в битву, предпочитая славную смерть позору поражения. Когда-то, очень давно, люди и драконы были главными врагами, сражались не на жизнь, а на смерть – не просто сходясь в сражениях, а стремясь добраться до селений противника и истребить ненавистные роды под корень... Но прошли века, нравы изменились, и ныне

в судебных битвах драконы нередко дрались на стороне людей против своих же сородичей, сдружившихся с другими человеческими родами. Нравы изменились – но обычай помещать на Советах людей и драконов порознь остался. Ибо в минувшие века они могли сцепиться насмерть даже на общей пирушке.

Посланцы от людского народа чаще всего были воинами. Вот и в этот раз почти сто избранных явились в кожаных и полотняных панцирях, в высоких сапогах из толстой кожи, свободных замшевых штанах, с ожерельями из зубов побежденных в схватках хищников на шеях, в волчьих и рысьих накидках, а иные – и в боевых шлемах из гнутой заговоренной кости или в шапках с нефритовыми пластинами.

Народ драконов тоже почти всегда присылал воинов. Но летающие ящеры не носили ни одежды, ни доспехов. Толстая чешуя, покрывающая их тела, и без того была отличной защитой в схватках.

Внизу худосочные старцы, сомкнув руки, вскинули их к небу, восхваляя живительные лучи солнца, и разошлись, расселись на деревянные ступени, оставив возле камня только мудрого старого Величара, одетого в коричневый замшевый плащ. Капюшон был откинут, бело-снежные волосы чародея рассыпаны по плечам и спине, а столь же длинная борода опускалась по груди до наборного пояса из обсидиановых, янтарных и яшмовых пластин. Величар опирался на черный от времени деревянный посох, сам же своей худобой мало превосходил эту старую палку.

Однако худоба его не была равносильна слабости, ибо мощь старика заключалась в его разуме, и сила известных чародею заклинаний способна была разметать целые стаи драконов, опрокинуть сотни людей, затушить целые поля пожаров...

Велико знание и могущество альвов. И если бы страх боли и смерти не гнал их прочь от кровавых сражений, когтистых зверей и мелких случайных схваток, их племя легко покорило бы все миры Вселенной. Поэтому мало кто боялся чародеев – но все и всегда неизменно внимали их мудрости.

– Слушайте меня, жители Спасенных Земель, и не говорите, что не слышали! – приподнял свой посох Величар, слова же его речи потекли не из его уст, а из склонов оврага, из стволов деревьев, опустились на собравшихся избранных прямо с небес. – Настал тяжелый час в судьбе нашего мира, когда праздность и безверие источили души смертных, лишили их истоности и самоотверженности. Прошло три тысячи лет, ровно тридцать веков с того дня, как наши предки замкнули Врата Демонов. И все тридцать веков, круг за кругом, кровь невинных, сознательно приносящих себя в жертву общему благополучию, удерживала в целостности запоры из священного камня, отделяющего нас от мира смерти и ужаса. Каждые двенадцать лет один из смертных восходил на алтарь и приносил себя во спасение мироздания, отдавал свою жизнь во имя наших жизней. И да благословят небеса их жертву, и да сохранит наша память их имена...

Величар почтительно склонил голову и недолго помолчал, вместе с Большим Советом чтя память погибших. Затем продолжил:

– Мне трудно говорить об этом, братья мои, но пришел час, когда на всех Спасенных Землях не нашлось никого, кто оказался готов к сему подвигу духа и самоотречения. Через двенадцать дней заканчивается очередной круг времен, а нам некого принести в жертву Вратам Демонов, нам нечем напитать замок, нам никак не дать ему силу, чтобы удержать запор между мирами еще на двенадцать лет. Слушайте меня, жители Спасенных Земель, и не говорите, что не слышали! Через двенадцать дней Врата Демонов откроются, впуская страшное черное зло в Спасенные Земли!

По рядам людей пробежал легкий смехок. Несмотря на удаление, Величар услышал насмешку, развернулся, легкими большими прыжками поднялся на край оврага и остановился перед воинами:

– Ведомо мне, ныне мало кто верит в историю Врат! – грозно произнес он. – Ведомо мне, среди народов ваших многие чтут историю предков наших за пустую сказку, в которую веруют лишь наивные простаки да выжившие из ума старики, вроде меня...

– Никто среди людей не считает тебя глупым стариком, мудрый Величар! – поспешил уверить альва плечистый рыжеволосый Дивислав из далеких борейских земель, что подтверждалось шкурой белого медведя на его плечах. – И мы не считаем историю рождения Врат пустой сказкой... Однако согласишься, мудрейший, за тридцать веков мир изменился до неузнаваемости! Ныне наши заговоренные доспехи и щиты не пробить никаким мыслимым оружием, а стрелы сами рыщут цели и разят без промаха. Обученные вами волхвы, приданные нашим сотням, умеют видеть мир глазами зверей и птиц, исцелять раненых и больных, ощущать тревоги и надежды, различать добро и зло, гасить огонь заклятиями и растить пищу даже в безводной пустыне. Мы научились воевать совместно с драконами и великанами, не враждуя с ними, нас поддерживают народы горные и речные... Скажи, разве смогут какие-то демоны, пусть даже злобные, колдовские и бесчисленные, устоять пред такой силой? Смогут ли сразить современных воинов, смогут ли не дрогнуть перед ударами их копий и палиц, пред огнем драконов? Мы не смеемся над преданиями предков, мудрый Величар. Мы готовы отомстить за прародителей! Пусть открываются Врата Демонов. Пусть силы зла еще раз попытаются войти в наш мир. И мы сами загоним порождения страха и смерти в то небытие, из которого они явились, чтобы поработить наш мир!

Борейский вождь оглянулся на народ людей, и прочие воины поддержали его торжествующими выкриками и вскинутыми мечами.

– Тридцать веков назад наши предки тоже были полны отваги, храбрый Дивислав, – покачал седой головой альв. – Они забыли былые ссоры, они встали плечом к плечу, чтобы встретить неведомого злобного врага... Но сохранить наши народы удалось не в битве, а лишь благодаря мудрости и могучим чарам, напитанным кровью невинных. Мы замкнули миры, мы закрыли демонам путь в Спасенные Земли и только тем сохранили хоть кого-то из былых многолюдных родов. Страшно подумать, что сотворили демоны с теми, кто остался в их власти! Смерть, рабство, муки, вырождение... Может статься, порождения зла смогли придумать что-либо и похуже... Демоны сильны, и победа над ними не может быть легкой, пусть даже мудрость и тридцать веков покоя помогли нашим народам достичь небывалых высот в ратном деле и целительском искусстве. Будет кровь, воин человеческого народа, будут муки, будут павшие, будут слезы матерей и сестер, будут раненые и увечные. Помнишь ли ты, Дивислав, что первыми умирать будете вы, люди и драконы?

– Будут раненые, мудрый Величар, будут павшие, – согласился вождь борейских земель. – Но будут и спасенные, освобожденные от рабства. Будут победители, будет слава, будут честь и величие! Только битва способна отделить труса от храбреца, а воина от хвастуна. Только битва способна покрыть славой достойного и вскрыть гнилость пустобреха. Только битва способна открыть дорогу молодым и храбрым и отправить на покой уставших и немощных. Только битва способна уничтожить зло и открыть обманутым свет истины. Так пусть начнется битва!!!

Сдернув с пояса меч из мореного дуба, Дивислав вскинул его над головой, и его призыв поддержали радостными криками остальные вожди. На противоположной стороне урочища, раскинув крылья, хрипло заклекотали драконы – крылатое и огнедышащее воинственное племя полностью поддержало своих извечных врагов и союзников. Точно так же, как люди, молодые сильные вожди властителей небес искали себе славы и возвышения, уважения среди сородичей, восхищения самок. А самый быстрый путь вверх лежал через сражения, через кровавое испытание, пропускающее через себя только самых сильных, храбрых и достойных. Всего одна схватка могла возвысить дракона в глазах его племени намного сильнее, нежели многие годы терпеливого кропотливого служения. И если появился шанс сразиться с самыми

настоящими демонами, исчадиями зла, порождениями смерти, а не просто подраться в судебном поединке – разве можно упустить такую редкостную возможность?

– Не понимаю вас, смертные, – покачал головой Величар. – Вы готовы умирать сотнями, дабы остановить наступление демонов в смертельной драке, но среди вас нет никого, желающего пожертвовать собой, дабы сохранить врата запгертыми и не допустить кровавой вакханалии!

– Не понимаешь, альв, – согласился воин. – Смерть в битве, в отчаянной схватке, на пределе сил, со стремлением к победе невозможно сравнить со смертью у алтаря, подобно примирившейся с судьбой, безвольной овце. Это вовсе не одно и то же. Мы воины, а не овцы!

Великий чародей промолчал. Для альвов гибель всегда была гибелью, а боль – болью, как бы и зачем она ни причинялась. Несмотря на многие века, проведенные бок о бок с людьми и драконами, народ мудрецов так и не смог понять, почему быстро и почти безболезненно умереть под обсидиановым мечом жреца – плохо, а умирать долго и мучительно от ран на поле брани – достойно и почетно? Лесных чародей утешало только то, что среди людей всегда находились несчастные влюбленные, потерявшие детей матери и безнадежные больные, предпочитавшие отдать свою жизнь на алтаре во имя благополучия Спасенных Земель, а не просто утопиться или повеситься.

Однако, увы, даже этот источник крови невинных оказался не бездонным. За тридцать веков благополучия люди стали слишком счастливы, чтобы умирать добровольно. А заклинания Врат Демонов требовали именно добровольной жертвы.

– Среди вас нет никого, кто согласен взойти на алтарь, дабы избавить Спасенные Земли от нашествия демонов? – больше для ритуала, нежели с надеждой на ответ спросил чародей у избранников народа людей.

– Нет, мудрый Величар, – покачал головой борец. – Да будет битва!

– Я обращаюсь к вам, народ драконов, – развернулся Величар. – Неужели среди вас нет никого, кто согласен взойти на алтарь, дабы избавить Спасенные Земли от нашествия демонов?

– Да будет битва!!! – раскинув крылья, торжествующе проклекотал могучий Огнезар. Дракон немолодой и пребывающий в Малом Совете в звании мудрого – однако, похоже, заразившийся от собравшихся сородичей воинственным азартом.

Мудрый альв кивнул, опустил посох и легко спорхнул вниз до середины склона:

– Я обращаюсь к вам, народ волотов, – остановился среди великанов Величар. – Неужели среди вас нет никого, кто согласен взойти на алтарь, дабы избавить Спасенные Земли от нашествия демонов?

– Мы исполним свой долг, мудрейший, и придем на битву, – поднявшись, склонил голову могучий Валдит.

Мудрый чародей вздохнул... Хотя другого ответа, конечно, не ожидал. Миролюбивые великаны сторонились ссор и сражений, очень редко являлись на судебные битвы, не искали смерти и никогда не приносили себя в жертву.

Альв спустился ниже, обратился ко гмурам, но и среди пещерных жителей отклика не нашел, равно как среди речного народа, никогда особо не стремившегося хоть как-то отличиться в общих глазах.

Вернувшись к священному камню, Величар отставил посох, послушно замерший в вертикальном положении, и склонил голову, словно предаваясь размышлениям. Хотя слова, которые ему надлежало произнести, были предрешены, и никакого иного выхода, кроме как произнести их, у главного чародея Спасенных Земель не оставалось.

– Через двенадцать дней на полях жертвоприношения откроются Врата Демонов, – подняв голову, наконец выдохнул мудрый Величар. – Я возвещаю час великой битвы и призываю всех воинов Спасенных Земель явиться к алтарю, дабы сразиться с демонами и защитить наш мир от гибели. Да будет так!

Он хлопнул в ладони, и с кроны дубов сорвалась густая птичья стая, разлетаясь во все края ойкумены, дабы донести всем и каждому весть о принятом Большим Советом решении.

Темная туча птиц распалась на облака, облака – на отдельных вестников. И один из стремительных стрижей, часто взмахивая крыльями, помчался на север, чтобы уже к вечеру спикировать в густые чащобы, окружающие россыпь сверкающих голубизной Рипейских озер.

* * *

Край неба начал медленно розоветь. Вслед за этим то тут, то там внезапно вспыхнули белизной редкие кучевые облака. Уже от них в стороны разбежался свет, насыщая розовые небеса голубизной, пока, наконец, над остроконечными елями не появился ослепительный край солнца. В этот миг Атрамир закрыл глаза и медленно вдохнул в себя рассвет, его чистоту и живородную силу, его яркость и теплоту, напиваясь всем этим совершенством свое тело, наполняя чистотой и силой ноги и руки, выпивая свет, словно озерную влагу, собирая его внутри себя, пропитывая им душу и разум, уподобляя себя самому солнцу, дарующему жизнь Спасенным Землям.

Вдох-выдох... Вдох-выдох... Вдох... И еще, до самой глубины легких, до последнего их уголка...

Когда голова начала слегка кружиться, Атрамир расслабился и опустил руки. Солнце уже поднялось над дальними кронами, проложив по глади озера сверкающую дорожку к самым его ногам, над этой дорожкой деловито носились стрекозы и жуки, чуть выше сновали в воздухе птицы, охотясь за ранней мошкаррой.

– Здравствуй, мир света, – негромко прошептал молодой волхв. – Здравствуй, мир радости, дружбы и добра!

Мудрые альвы, живущие у Длинного озера, учили, что с миром, в котором ты живешь, нужно здороваться каждое утро – но никогда не прощаться, и тогда он всегда будет пребывать с тобой в ладу. Природа отзывчива, она добра к тем, кто ищет добро, и зла к тем, кто ожидает зла. Сохраняй в душе благодать – и она будет окружать тебя каждый час и каждый шаг. Пребывай всегда в праздничном состоянии – и на пути твоём всегда будет встречаться только радость.

– Хорошо... – прошептал Атрамир, подставил лицо солнцу, раскрылся душой. Однако ничего особенного не ощутил. Птицы были голодны, крот под землей, в паре шагов справа, нашел жирного дождевого червяка и сейчас торопливо его уплетал. Рыба кормилась в водорослях, с десятков оленей паслось за кустарником поодаль, змея кралась к полевой мышши, мышшь забивала брюхо спелой земляникой.

Все вокруг заботились только о жратве – и молодой волхв поневоле тоже ощутил голод.

Он рывком поднялся, распугав кузнечиков и мотыльков, сладко потянулся, разминая кости, и тут же проверил – на месте ли меч.

Меч, тяжелый и добротный, из коричневого мореного дуба, длиною в локоть, с лезвием из черного глянцевоегo обсидиана, был первым творением Атрамира в ученичестве лесных альвов, его гордостью и доказательством чародейского дара. А вот перевязь оказалась неудачной и часто соскальзывала с плеча. Да так ловко, что парень этого и не замечал и пару раз уходил с места отдыха, оставив оружие лежать в траве. Даже странно, что за много лет ее не потерял, неизменно находя там, где и думал. Впрочем, альвы считали это просто одним из его талантов и признаком чародейского дара.

В этот раз клинок оказался на боку, рукоятью на уровне ремня, справа от поясной сумки, и Атрамир с облегчением вздохнул, вскинул руку, причесав пальцами рыжие кудри, одернул короткую замшевую куртку, расшитую белыми костяными шариками, украшенную беличьими хвостиками и замшевыми кисточками, поклонился озеру, прощаясь с его прохладными водами, и поспешил по прибрежной тропинке домой. Путь недолгий – через низинку вокруг

родника, по наволоку и до взгорка на южном берегу озера. Туда, где на самой вершине пологого холмика сплелись ветвями несколько лип. Местами это преплетение было плотным до полной непрозрачности, местами между ветвями можно было просунуть руку, а кое-где – и вовсе провалиться. Возникало ощущение, будто огромный аист сперва сплел здесь свое гнездо – а потом разлился на что-то и наполовину разворотил, бросив и улетев на новое место в дальние края.

Увы, но произошло подобное от того, что юный волхв, по горячности и неопытности, затеял возведение для себя уж очень обширного обиталища – десять шагов в длину и столько же в ширину, да еще в три жилья по высоте.

Три потолка из сплетенных ветвей у чародея получились легко и быстро, благо кроны деревьев были густыми, плотными. Нарастить стены, заплести их цветочными стеблями, уплотнить мхом он тоже смог, но уже не так прытко... На том все и застопорилось. Дом большой, а Атрамир один – когда всем заниматься? Тем паче что из всех комнат использовал парень всего две: нижнюю с очагом, в которой зимой готовил, грелся и занимался хозяйственными делами, и самую верхнюю, больше похожую на выстеленное шкурами гнездо, в которой юный волхв спал. Нравилось Атрамиру спать на высоте – ближе к небу, к звездам. Вроде как и воздух там казался чище, и пространство шире. Да и просто – хорошо!

Кроме этих двух комнат все прочие уже не первый год так недоделанными и оставались.

Так же странно, не по задуманному, вышло и с огородом. Задумывалась обширная возделанная луговина, засеянная репой и капустой, морковью и гречей, горчицей и салатом, луком, чесноком, прочими ароматными травами – красота, самим альвам на зависть. Но поначалу терпения хватило только на четверть луговины – на репу, капусту и приправы. Атрамир честно намеревался расширить посевы, однако в первый же год его посевы повадились разорять зайцы. Бороться с грызунами волхв взялся не чародейством, а силками и... И как-то так вышло, что силки стали его основными кормильцами, а огород теперь играл скорее роль приманки для дичи, не став источником заполнения небогатых закромов.

Вот и сейчас, учуяв со стороны зарослей акации горячее биение сердец пополам со страхом и болью, юный волхв повернул к кустарнику, вынул из петель сразу двух зверьков, снова насторожил ловушки. Отойдя к муравейнику, быстро освежевал добычу, кинул шкурки на чистку.

Муравьи-кожевенники были еще одной гордостью Атрамира. Он не получил их в подарок от альвов и не выменял у других волхвов, а вывел сам, пусть не без помощи чудотворной Седавы с ее вечно дрожащими пальцами и скрипящим, словно от простуды, голосом. Заговоренные насекомые подьедали остатки мяса и жир, но никогда не портили кожу и мех – прямо хоть сразу на одежду раскраивай.

От муравейника парень свернул к дому, достал из висящего под потолком теска мешочки с солью, горчицей и гвоздичными бутонами, на глазок обсыпал ими поверху освеженные тушки, затем завернул их в листья ревения, спустился к воде, зачерпнул рукой влажную глину на берегу, обмазал поверху слоем в палец толщиной, отнес обратно к себе и оставил обсыхать. Или, вернее, глину – обсыхать, а тушку – пропитываться специями. Вечером добычу можно будет запечь в углях. Будет вкусно.

Как положено волхву, свой дом Атрамир вырастил наособицу, в нескольких часах пути от деревни. Ведь чародею надлежало обитать на лоне природы-матушки, возле альвов и среди лесного зверья. Прочим же людям, коли нужда в советах или лечении возникала, следовало приходиться к мудрецу в лес, кланяться, о помощи просить...

Вот только в свои двадцать два года славу молодой чародей обрести еще не успел, ходить с поклонами к нему никто не хаживал, подарков не приносил – и жил крепкий молодой парень, ладный телом и лицом, один как сыч. И кабы не уроки, за которыми Атрамир каждый второй день отправлялся к Длинному озеру, так и вовсе хоть волком вой от тоски и скуки! Хорошо хоть, что волхвов, выбранных из народа людей, альвы учили всю жизнь, до старости. Поэтому

полное одиночестве чародею все-таки не грозило. Всяко найдется, с кем хоть раз в несколько дней словом перемолвиться.

Волхв замер, прислушиваясь к неожиданно случившимся переменам в мире вокруг. Все вроде бы оставалось прежним – и шелест листвы, и запах сосновой смолы от груды валежника. Но... но ощущение чужого острого голода опередило любые шорохи и тени. Это чувство, подобно огненному пятну, зародилось по обратную сторону холма, пробралось по широкой дуге, притаилось под берегом, потемнело от напряжения.

Кто-то подкрадывался к его дому!

Атрамир, усмехнувшись, отступил, спрятался за толстым стволом ветвистой липы, снял с перевязи острый тяжелый клинок.

– Ага-га! Сдавайся! – И напряжение ожидания вылилось в стремительный рывок.

Послышался всхлип, гул разрываемого воздуха, треск раздавленного хвороста. Волхв пригнулся, скользнул из-за дерева вниз и вправо, стремительно метнулся под раскрытое крыло и что есть силы ударил коварного гостя в бок.

Разумеется – плашмя.

– Привет, Кучур!

– Так нечестно! – возмутился дракон. – Ты меня заметил!

– А как тебя не заметить, друже? – рассмеялся Атрамир. – Ты отражение свое давно видел? Так иди, в озеро посмотришь. Больше дуба векового вымахал, а все еще надеешься втихаря к кому-то подкрасться!

На самом деле Кучуру, конечно же, до векового дуба еще расти и расти. Ныне молодой воин огнедышащего народа росту имел от силы в два человеческих – не считая шеи и хвоста, конечно же, – размахом крыльев не покрывал даже маленького атрамировского огорода, а весу имел от силы в десять быков. Однако у него все еще было впереди. Тело Кучура покрывала ярко-рыжая, как волосы молодого волхва, чешуя – кроме небольшого белого пятна на груди и черных полос на хвосте. А рыжие драконы, известное дело, самые крупные.

Общий цвет волос человека и чешуи дракона долго был предметом насмешек, когда они оба появились у альвов возле Длинного озера. Прочие ученики утверждали, что у новичков был общий отец. И поначалу подростков это сильно задевало. Через пару лет, когда Кучур и Атрамир научились давать отпор – насмешки прекратились. Но дружба осталась. И прозвище рыжие братья перестало казаться им обидным.

– Очень кушать хочется, друже, – не стал вдаваться в долгие разговоры дракон. – Полетели?

– Полетели, – согласился юный волхв, возвращая меч на перевязь, с разбегу запрыгнул на опущенную шею друга, запустил ладони под вздыбленную чешую, прочно хватаясь за края толстых костяных пластин. Кучур, поднявшись на задние лапы, крутанулся и прыгнул в сторону озера, тут же распахнул крылья, скользя над самой поверхностью. Первыми взмахами дракон даже коснулся их кончиками волн, подняв тучи мелких брызг, но вскоре набрал высоту, промчался над вершинами елей и стал неторопливо забираться к самым облакам в голубую высоту.

Атрамир прищурился, подставляя лицо прохладному встречному ветру, развевающему его кудри, пробирающемуся под ворот, раздувающему куртку и штаны, охлаждающему ноги. В полете было холодно всегда – даже в самые знойные дни, – а от ветра не спасали никакие одежды. Однако молодой волхв все равно любил летать. Любил летать в жару, внезапно оказываясь в мире прохлады; любил летать в дождь, когда могучий Кучур, пробившись через слякоть, поднимался над тучами в открытый солнечный простор, любил летать зимой, возносясь над искрящимся снежным миром. Любил смотреть с высоты на леса и озера, что внезапно уменьшались и казались игрушечными, ненастоящими, нарисованными умелым мастером на

огромной бересте. Любил перемещаться с невероятной стремительностью из края в край мира, опускаясь после нескольких часов полета в неведомых, никем не тронутых землях.

Вот и сейчас поднявшийся к кучевым облакам дракон раскинул крылья и стремительно скользил, оставляя позади поприще за поприщем, сразу многие дни пути – если пытаться одолеть это расстояние пешком даже на лодках. Реки, реки, огромное озеро, за ним – бескрайние леса, разбавленные матово поблескивающими влажной ряской болотами. Кучур начал снижаться, выбирая наволоку пошире, повернул вдоль одной из рек, спикировал на заливной луг, менее сочный, нежели ближайšie. Громко захлопал крыльями, снижая скорость, и плавно опустился на землю, крепко вцепившись в нее когтями.

Атрамир спрыгнул, пригнулся, провел по траве ладонью:

– Недавно пощипана, не отросла. Кто-то пасся, добыча есть. – Молодой волхв выпрямился: – Ну что, как всегда?

– Как всегда, – согласился дракон, неспешно добрел до зарослей на краю наволоки и опустился на брюхо, полурастопыряв крылья, спрятал хвост в кусты и положил шею под самые корни деревьев. В таком виде, если не приглядываться, уже с полусотни шагов затаившийся зверь сливался с грунтом и казался оплывшей грудой красной глины. А с полутора сотен – так даже если приглядываться.

Атрамир, привычно поправив меч, нырнул в чащобу, пробираясь между многоохватными соснами и черными елями. Терпеливо и упрямо он раздвигал ароматный можжевельник, прыгал с одного мшистого поваленного ствола на другой, иные – трухлявые – разбивал ударами кулака. Двигаться через дикий нехоженный лес было трудно даже ему, а уж дракону тем более не протиснуться. И звериных троп, как назло, на глаза нигде не попадалось. Хотя обитатели тут имелись – волхв хорошо ощущал импульсы тревоги, доносящиеся то с одной, то с другой стороны. Нежданного гостя слышали и опасались. Атрамир даже мог угадать некоторые из сознаний. Кабаньи – приземленные, ищущие по запаху грибы и коренья. Беспечные лосиные – эти гиганты где-то ощипывали листву с орешника. Олени же вынюхивали свежую травку, их желания тоже угадывались с легкостью. Но был здесь и кто-то еще, сосредоточенный и ищущий.

– А, не важно. – Волхв остановился, повернулся лицом к реке и опустил голову, вытягивая из глубин памяти свой самый жуткий и незабываемый детский кошмар. Как однажды ночью, еще совсем маленьким, он захотел подняться с постели, сделал в темноте несколько шагов и вдруг ухнул в темную бездну – невидимую, бездонную, бесконечную, смертоносную. Именно тогда он в полной мере ощутил ужас полной безнадежности, бессилия, отчаяния. Дыхание небытия...

Вытянув это воспоминание в свой разум, Атрамир покрутил его перед собой, наполняя нынешней живой энергией, силой, мощью, реальностью, насытил кошмар до размеров целого мира и, расставив руки, резко выплеснул этот ужас из себя наружу огромной черной волной.

Тут и там затрещали ветви. Ощувив внезапный беспричинный ужас, лесное зверье кинулось бежать, улепетывая от чего-то страшного и непонятного на луг, к реке – к свету, открытому пространству, к миру и безопасности. Заросли наполнились паникой, и даже те животные, что не попали под чары волхва, кинулись наутек, следуя общему примеру. Прочь, прочь, прочь...

Когда Атрамир выбрался из чащобы на луг, на траве лежали два задушенных оленя, волк и крупный кабан. Еще кого-то Кучур уже успел проглотить, не дожидаясь своего товарища.

– Хочешь ожерелье славы? – предложил дракон и указал мордой на серого хищника: – Смотри, какой большой! Из его клыков отличный знак чести может получиться. В народе людей такими гордятся!

– Ожерелье чести можно делать тогда, когда сильного хищника победил сам, в честной схватке, один на один, – покачал головой Атрамир. – А этого задавил ты.

– Так мы никому не скажем!

Молодой волхв только рассмеялся в ответ.

Драконы, что бы там ни утверждали альвы, постигали мудрость мира еще хуже, чем народ людей. Кучур не понимал, что подобную ложь скрыть невозможно. И когда обман раскроется, свалившийся на его друга позор окажется куда страшнее простой охотничьей бестолковости.

– Ну, хоть череп себе на шлем забери!

– Я целитель, а не воин. Мне положено носить человеческий череп, а не звериный.

– Где же ты возьмешь такую большую черепашку, чтобы на твою налезла?!

– Уже сделал. Выточил из пяти лосиных и склеил.

– Ну, как хочешь, – устал спорить Кучур, схватил волчью тушу поперек, подбросил и заглотив в несколько толчков головы. Потряс башкой, прогоняя еду по шее.

Атрамир тем временем, достав из подсумка нож из цельного кремниевого лезвия, вклеенного в рукоять оленьего рога, распорол шею одной из оленьих туш, вырезал несколько ломтей толщиной в мизинец, окликнул товарища:

– Подсоби! – и подбросил один из кусков в воздух. Кучур стремительно повернул голову, кашлянул короткой вспышкой пламени, и человек поймал уже румяный, местами с черными пятнами кусок: – Ой, горячо!

– А чего же ты ожидал?! – довольно прорычал дракон, потянулся к кабану, перехватил поудобнее, заглотив целиком.

Волхв, поджав ноги, сел под его крылом, стал подкрепляться, откусывая от почти пропеченного ломтя кусочек за кусочком. А закончив, подкинул следующий:

– Кучур, подсоби!

Зверь, раз за разом опаливая мясо своим пламенем, терпеливо дождался, пока его товарищ наестся, после чего скусил оленю рога, проглотил тушу и довольно потянулся, прижавшись грудью к траве и притоптывая задними ногами:

– Хорошо-о-о-о! Я уже дня три не ел. Проголодался.

– Чего же раньше не прилетал?

– Родители все не отпускали. У малых колики. И глина на помосте вся облупилась...

– Замажем твой помост, не грусти.

– Сейчас никак, малые бестолковые. Могут опалить.

– Да уж, вашей малышне на глаза лучше не попадаться, – согласился Атрамир. – Хотя оно понятно. Дети, они у всех одинаковы...

Само собой, это было неправдой. Человеческие дети и потомство народа огнедышащего – существа зело разные. Младенцы в колыбельках огнем по сторонам не плюются, к потолку взлететь неспособны и дома в пепел от боли в животике не выжигают.

Именно из-за буйного нрава отпрысков драконы в полузабытые стародавние времена выплавляли свои гнезда в ледяных склонах Рипейских гор и, по сказаниям, отстроили там целые дворцы. Под ледяными сводами самое страшное, что могло случиться с гнездом, – так это подстилка выгорит, и все.

Именно тогда, десятки веков назад, драконы повадились воровать и порабощать людей. Косить траву, рубить ветви для гнезд, носить все это в глубину пещер человеческими руками было куда как легче, нежели мучиться самим огромной клыкастой пастью. Люди ходили на драконов в походы, отбивая своих сородичей и разоряя гнездовья опасных соседей. Драконы – разоряли близкие поселки, чтобы добираться до Рипейских гор спасителям было слишком далеко и долго. Люди – застилали крыши дерном и глиной, закапывали дома в землю, мастерами луки и копьёметалки, придумывали негорючие одежды. Драконы – сбивались в ратные отряды, отвлекали, хитрили, выслеживая и отлавливая добычу, вступали в битвы...

Потом пришли демоны – и война с общим врагом, желающим уничтожить оба народа под корень, вынудила бывших противников объединиться. Люди стали помогать крылатым союзникам добровольно, ссоры забылись.

Но со временем начали таять, уничтожая древние гнездовья, сами Рипейские горы... В леса из них драконы, понятно, переселиться не могли – выгорели бы все чащобы до единой. Обычных горных пещер на севере Спасенных Земель почти не имелось – равно как самих гор. Тогда люди придумали перекрывать бревнами расселины между скалами, прикрывая гнезда от дождя и снега, а внизу сбивать огороженные помосты, замазывая их от огня толстым слоем песка и глины...

Ирония судьбы – огнедышащий народ, когда-то пытавшийся людей поработить, ныне почти полностью зависел от доброты двуногого племени. И понятно, почему зачастую драконы предпочитали вступаться за своих соседей-людей и сражаться против своих сородичей из других земель, если между народом человеческим и драконами вдруг возникали споры и разногласия.

– Домой? – сладко зевнул Кучур.

– Домой, – согласился молодой волхв, забираясь ему на шею.

Дракон разбежался, тяжело оторвался от земли, не без труда достиг высоты древесных крон, сделал широкий полукруг и... спикировал обратно на луг. С шелестом рассекая воздух, Кучур на всей скорости ловко подхватил задними лапами последнюю, нетронутую оленью тушу, промчался до излучины, перевел дух, а затем, взмах за взмахом, стал подбираться к белым кучерявым облачкам.

Обратный путь в обитаемые земли показался волхву более быстрым, нежели на восток. Вестимо – ветер был попутным. Вскоре после полудня Кучур лег на крыло, описал широкий круг над человеческим селением из нескольких просторных зеленых домов, окруженных огородами. Деревню надвое разделял узкий ручей, весело журчащий по каменистому руслу, рядом раскинулась утоптанная до каменной твердости поляна, на которой девушки в цветочных венках водили хоровод. Парни стояли поодаль, сбившись в кучку, и смотрели на танец с живым интересом.

Атрамир попытался вспомнить, ради какого дня затеян праздник, но в голову ничего не пришло. Впрочем, у приозерских селян каждый второй день считался каким-то праздником, а каждый первый заканчивался весельем вовсе без повода. Первый урожай, последний урожай, капустники и выibelка холста, первая нить и лучшая пряжа – все и всегда превращалось в баловство и шутки-прибаутки, гуляния и пляски. То селяне на пряхках с горок катаются, то по столбам за сапогами лазят; то нагишом купаются, то хороводы водят, то снежные дома разбивают, то любовной охотой в чаще занимаются...

Увидев дракона, девицы с визгом кинулись врассыпную, парни побежали следом – «защищать». Одна игра стремительно перешла в другую, хотя и с прежним итогом – рано или поздно все разобьются на парочки и окажутся наедине. На площади остались только совсем малые дети, которым крылатые звери еще оставались в диковинку, да взрослые воины, уже остепенившиеся и юношескую беготню забросившие.

Кучур ловко опустился на самом краю площади, разжал задние лапы, роняя тушу возле ручья, и сложил крылья, оседая рядом.

– Приветствую вас, люди озерного рода, от имени крылатого народа! – поздоровался с воинами дракон. – Рипейский род делится с вами своей добычей и желает вам благодати и процветания!

– Передай нашу благодарность Рипейскому роду, ловкий Кучур! – подошел ближе седовласый воин, лицо и плечи которого были изрезаны мелкими шрамами. – Он всегда может быть уверен в нашей дружбе! А тебе, Атрамир, не след забывать, что ты не старый волхв, дожива-

ющий дни на пенке у своей норы, а целитель воинской рати! Между тем ты уже больше года на тренировках наших не показывался!

– Я приду, дядюшка Избор, – поспешил повиниться перед стариком паренек и тут же послал в сознание своего друга чувство тревожной торопливости. – Завтра мне к альвам отправиться надлежит. А послезавтра обязательно приду!

– Смотри у меня! – погрозил ему пальцем воин, но задерживать не стал.

Дракон взмыл в воздух, чтобы почти сразу спикировать возле полуразвалин на берегу озера.

– Не сердись, друже, – опустив шею к траве, извинился Кучур. – Предчувствие у меня нехорошее. Полечу я домой, посмотрю, все ли в порядке?

– Лети, – не стал его останавливать молодой волхв. – Завтра увидимся.

И опять остался один, на берегу пустынного озера, на взгорке возле то ли развалившегося, то ли недорощенного дома.

Совсем неподалеку, за протокой и лесом, в половине поприща, люди смеялись, отдыхали возле общего очага, любили, играли, занимались насущными хлопотами – наверное, уже успев начисто забыть имя паренька, когда-то избранного альвами в ученики. А «одаренный небесами счастливым великим даром» молодой чародей постигал тут единение с природой – с заботой всевозможными мыслями головой, с единственным одеянием и одним доспехом, с извечными хлопотами о еде, дровах и постели.

Раньше, в далеком детстве, жизнь мудрого, уважаемого и всемогущего волхва, лишь изредка являющего себя простым смертным, казалась ему совершенно иной...

Атрамир сходил к муравейнику, забрал там вычищенные шкурки, хорошенько вытряс. Зачерпнув в выдолбленную из чурбака колоду воды, он произнес над ней заговор на смерть, для надежности капнув потом немного настоя из цветов зонтичного омежника, размешал, кинул шкурки и прижал их камнем.

Вымачивание в мертвой воде было более надежным способом выделки, нежели дубление. «Мертвый» мех не гнил и не покрывался плесенью, даже оставшись влажным, его не ела моль, он всегда выглядел нарядным. Такой способ был не только надежным, но и самым простым.

Молодому волхву неожиданно вспомнился первый урок, преподанный ему блеклолицым, но черноволосям Дубумилом – тощим и длинным, как ясеневая слега, но столь же крепким и постоянно носящим рубаху с ярко-алым воротом.

– Колдовство и превращение мы видим каждый день, смертные дети мои, – поведал мудрый альв. – Оставленное в воде мягкое дерево становится крепким, словно камень; нагретая кожа вдруг превращается в панцирь, вареная кость размягчается, а крепкий бульон, остыв, сам превращается в кость. Весь мир вокруг состоит из постоянных превращений. Я расскажу вам, как направить эти превращения в нужную сторону, используя естественные изменения, собственную волю и некоторые простенькие добавки. И тогда прошедшая через ваши руки ткань будет прочнее гранита, кость окажется гибкой, как лоза, а лоза крепкой, словно кость. И все, что для этого вам понадобится, – это немножко терпения...

Прошло десять лет терпения – а Атрамир все еще не стал даже уважаемым учеником. А гордое звание чародея все отодвигалось и отодвигалось куда-то в будущее.

Волхв вздохнул, набрал под навесом хвороста, отправился к очагу, высек огонь, дал дровам немного разгореться, кинул в огонь подсохшие глиняные комки, уселся в плетенное из лозы сиденье и откинулся на спинку. Прошептал заклинание, отводящее дым в сторону, в дверной проем. Растегнул пояс, снял меч, стянул с себя куртку. От яркого пламени шел ошущимый жар, прыгающие языки пламени завораживали. Так бы смотрел и смотрел...

Но вскоре из очага потянуло ароматом печеного мяса – комки потрескались, из щелей заструился пар. Атрамир торопливо погасил огонь заговором общего сна и, пока яство не пересохло, выкатил его из очага. Выждал еще немного, чтобы остыло, потом взял комков поменьше

и вышел с ним из дома, усевшись на берегу озера. Разбил глину о колено, развернул листья ревеня и стал есть, любуясь красотой природы, вдыхая запахи цветущих растений и прохладу воды, внимая шелесту камышей и веток – и закусывая все это пряным мягким мясом.

Вокруг тут же собралась стайка мышей, во главе которой возвышался гибкий горноста́й – напоминающий худобой и черными глазками одного из альвов; слетелись удо́ды, сороки и кулики, копошась чуть ли не под ногами юноши. Знали, что и на их долю от угощения обязательно толика перепадет.

Так Атрамир и поужинал. Кусочек себе в рот, кусочек горностаю в зубы, кусочек пернатим в клюв, косточки с хрящами – мышам на развлечение. Покончив с едой, волхв напился едкого шипучего кваса, настоянного на репе с медом, и взялся за шлем. Сделанный из аккуратно подрезанных и гнутых вокруг его головы костей, заговоренный для прочности на трех водах – ключевой, живой и мертвой, на трех светилах – на полнолуние, на полдень и на ледяном сумраке, и на парной крови, шлем имел форму человеческого черепа – указывая, что носящий его воин не хищник, ищущий чужой смерти, а целитель, готовый оказать помощь. И хотя в поединках, понятно, крепко доставалось всем – лекарей противники все же стремились уберечь от гибели. Тем более что, по обычаю, после сечи они должны были лечить врагов так же старательно, как своих сородичей.

Однако шанс получить удар дубиной или мечом по макушке имелся – и потому волхв старательно проклеивал свою защиту изнутри войлоком, слой за слоем, стремясь добиться со всех сторон равной толщины, иначе сидеть будет криво, натирать или сползать.

За работой быстро истаял остаток дня, и ближе к сумеркам в камышах под плакучей ивой послышался тяжелый плеск.

– Нет у меня никаких гребней, – недовольно отозвался Атрамир, не отрываясь от дела. – Плыви отсель, речное племя.

– Эка ты какой грозный! – Плеск прекратился. – Я ведь ничего и не спрашивала, добрый молодец.

– Не, не молодец я тебе, водяная дева. Холодные вы, как лягушки. – Атрамир передернул плечами. – Мир тебе, плыви спокойно.

– Как это мы холодные?! – Камыши опять плеснули, зашелестели. Возле них на берегу выросла тень. – Ты, мыслю, и не видел нас ни разу! Чужими слухами кормишься!

– Мокрые, холодные, скользкие... Нет, дева, плыви отсюда. Не заморачивай. – Молодой волхв повернулся к возникшей тени спиной.

– А гребешка ты здесь не видел? – вкрадчиво поинтересовался женский голос. – Вроде как на берегу вечор обронила.

– Даже голос зябкий... – передернул плечами Атрамир. – Представляю, сколь сама холодная.

– Вранье все! Не холодные мы! – обиделась озерная незнакомка.

– Да, как же! – через плечо ответил молодой волхв. – Все время в озере ледяном сидите – и не холодные?

– В воде живем, да не мерзнем. Потому как кровь наша горячее. Еще потеплее ваших девок будем!

Атрамир в ответ только недоверчиво хмыкнул, закладывая в нутро шлема еще одну полоску войлока.

Рядом прошелестела трава. Ему на плечи опустились мягкие ладони, сблизилась на шее, скользнули под ворот рубахи, разошлись по груди.

– Ну и как, смертный? – шепнула в самое ухо водяная дева. – Скажешь, холодные?

– Долго на берегу стояла, вот и согрелась, – покачал головой волхв. – Верно, еще и растерла. Внутри же, мыслю, ты вся холодная.

– А если... – Девушка наклонилась, крепко поцеловала молодого человека в губы, поиграв у него во рту языком. – Теперь поверишь или опять холодной сочтешь?

– Губы, они тоже снаружи, – тихо возразил Атрамир. – И дыханием греются. А какова ты внутри, все едино понятно.

– Ах так... – недовольно вдохнула и выдохнула девушка, взяла его ладонь и положила себе на внутреннюю поверхность бедра. – Что, и здесь холодная?

– Так ведь сразу и не поймешь... – опустил шлем молодой волхв, легкими движениями проверяя теплоту бедер водяной гостьи, скользнул пальцами чуть выше, в более горячее место, остановился, слегка подрагивая ладонью.

Девушка тихонько ойкнула, и Атрамир поспешил привлечь ее к себе, обнимая свободной рукой за плечи, крепко и жадно поцеловал, продолжая нежно тревожить лоно. Незнакомка с силой вонзила пальцы ему в плечи, едва не прорвав ногтями ткань рубахи, чуть откинулась, закусив губу и постанывая. Молодой человек, пользуясь моментом, рванул завязки штанов, снова привлек гостью за плечи, поднялся с чурбака, прижимая девушку к себе и не прекращая ласкать ее.

– Да хватит уже, убедился... – жарко выдохнув, произнесла речная гостья. Но Атрамир проник чуть глубже, и она опять охнула, вцепившись в плечи, поморщилась и простонала: – Нешто еще не убедился?!

– Горяча, да не вся... – Волхв опустил речную деву на траву, мигом сорвал с себя рубаху. – Телом-то какова?

– И какова? – откинула руки над головой гостья.

Атрамир накрыл ее собой, касаясь обнаженной грудью сосков, покачался из стороны в сторону, играя с ними, опустился ниже, соприкасаясь уже и животом, поцеловал плечи, ключицы, шею, сдвинулся вниз, а потом вверх, соприкасаясь с горячим лоном уже не пальцами, а окаменевшей плотью.

– Ты чего это делаешь, охальник бесстыжий? – резко посмотрела ему в глаза незнакомка. – Нешто не напроверялся?

– Нет! – рывком вонзился в нее молодой волхв, и речная дева вскрикнула, выдирая пальцами раскинутых рук траву, выгнулась всем телом ему навстречу, едва не сбросив, и тут же опустилась, обхватила ногами, жаркодохнула в лицо, громко застонала и снова ринулась навстречу его новому толчку, обняла, стала целовать – и ее непривычно страстное горячее безумие стало затекать в разум Атрамира, выжигая собственные желания и заставляя снова и снова стремиться вперед, к единению, к близости, к полному слиянию тел, чувств и желаний. Он больше не мог размышлять над своими поступками, он лишь бессильно купался в горячей сладости, позволяя телу делать то, что оно умело и желало, пока очередной рывок к заветной цели не разлился блаженством по его чреслам, разуму и воле.

Нежданная схватка отняла у обоих столько сил, что еще долго они лежали, сжимая друг друга в объятиях. Речная девушка спохватилась первой, оттолкнула волхва и вскочила:

– Я ведь всего лишь про гребень спросила!

– А я лишь проверил, насколько ты горяча, – развел руками Атрамир.

– Обманщик! И близко больше никогда не проплыву! – Девушка разбежалась по берегу, оттолкнулась на самом краю и рыбкой ухнулась в темные волны, почти не подняв брызг.

– Руса-а-лки... – рассмеялся ей вслед молодой волхв. – Всегда на эту подначку попадаются.

Он тоже поднялся, вошел в воду, нырнул-вынырнул, вернулся к берегу. Вышел на сушу, на ходу отираясь ладонями от воды, подобрал одежду, поклонился озеру:

– Спокойной тебе ночи, мир радости и добра.

Солнце еще не село, но Атрамир уже управился со всеми делами, с какими хотел, и даже с теми, что не предполагал... Молодой волхв снова усмехнулся, вспоминая возмущение убе-

гающей русалки, бросил штаны и рубаху через плечо, быстро поднялся по веткам-ступеням в свое спальное гнездо в кронах лип, нырнул в гущу меха – трех сшитых из заячьих шкурок покрывал, завернулся в них и лег на краю слабо качающейся плетеной комнатки, наблюдая за тем, как рыщут от камышей к камышам утки, не в силах выбрать удобного места, как ласточки собирают на высоте поздних комаров и мошку, как крупные черноспинные сазаны отправляются к отмели погастись среди зеленой тины, а солнце, пробираясь меж облаков, медленно опускается к дубраве за озером.

Отсюда, с высоты, растущая рядом с деревней дубрава казалась совсем близкой.

Атрамир закрыл глаза и плавно, словно в летнюю озерную воду, погрузился в глубокий безмятежный сон...

«Война, война, война!!!»

Молодой волхв зевнул, приоткрыл глаза, поймал взглядом скачущую с места на место хохлатую свиристель и повторил:

– Война, – освобождая ее слабенькое сознание от чужой навязчивой мысли.

Птичка, избавленная от ноши, радостно шмыгнула на волю. Атрамир же перевернулся на другой бок, опять зевнул и повторил принесенную весть еще раз:

– Война-а... Война?!

Волхв рывком поднялся, глянул наружу, на озеро. Но оно, покрытое туманом, мирно спало в лунном свете, словно закутанное в белесый пуховик.

– Какая война? Откуда? С кем?

На памяти Атрамира рипейские роды дважды участвовали в судебных битвах. Один раз – по поводу смерти семи заозерных детей во время рыбалки, когда несчастные родители обвинили рипейцев в установке сетей на чужих ловах, и еще раз – из-за спора по поводу принадлежности все тех же ловов, но уже пять лет спустя. Первый раз рипейцы одолели, второй – уступили.

Случилось с разными соседями и еще несколько поединков. Почти все – из-за девушек. Однако на них разные роды собирались лишь как зрители, и даже пировали за общими столами.

Но война? Битва без срока, без места и без определения воинов, гостей и судей? Войны существовали только в легендах из седой полусказочной древности! Как вообще в современном, благородном и высокоразвитом мире может начаться война?

Война...

Молодой волхв плохо знал, как полагается поступать в таком случае хотя его учили. И альвы сказывали, и в деревне пару раз пожилые воины просвещали. Однако всерьез Атрамир подобные приготовления не воспринимал.

«Если вдруг кто-то нападет без правил и начнется настоящая война...»

Кто нападет? Заозерники, борейцы, хруломы? Или народ волотов с гмурами в подмогу? Какая ерунда! Чего ради? Чего они добьются, умерев сами и перебив своих соседей? Если есть споры, всегда проще договориться.

«Если вдруг порождения смерти прорвутся через Врата Демонов и начнется настоящая война...»

Демоны, поработители, злобные кровожадные душегубы... Разве может взрослый человек поверить в подобные страшилки для малолеток?

Однако, раз уж птица на хвосте принесла, валяться дальше волхв не стал, спустился в нижнюю комнату. Стянул повседневные штаны, натянул заговоренные на неуязвимость, с толстой подбивкой, вместо привычной куртки надел плотно подогнанный по всем изгибам тела толстый кожух, стянув его сзади двумя ремнями, поверх которых лежала мягкая «непробивайка» с войлоком. Потом опоясался ремнем, быстро сложил в поясную сумку целительские снадобья: болотный мох для осушения крови, травяной порошок от гнили, сок зонтичной омелы для глотка милосердия, заговоренные боевые краски с цветочными и иссушающими

добавками, семь коротких острых ножей разной формы для раскрытия ран, нити и иглы для их зашивания.

– Кажется, все... – оглянулся молодой волхв. Повесил на шею ремешок с защитными амулетами, снял с сучка заплечный мешок, кинул в него прямо в глине оставшегося со вчерашнего дня зайца, сменную рубаху, бурдюк со щелоком, налил во флягу квас, а остальной, сколько смог, попытался выпить. Перебросил через плечо перевязь с мечом. – Кажется, все. А-а, чуть не забыл!

Хлопнув себя по лбу, Атрамир побежал в огород, прошел вдоль кустарника, снимая силки с лазов на огород. За ночь в них никто не попался – и это было даже хорошо. Не хватало только еще добычу тут свежевать!

Вернувшись к своему жилищу и еще раз осмотревшись, волхв закинул за спину ляжки мешка и решительно отправился по огибающей озеро тропе.

Путь до деревни был долгим. Сперва – через густой ельник, обрывающийся прямо в болото. Минувшей зимой Атрамир пытался накидать через него гать, но неудачно, все бревна и хворост ушли в топь. Так что пришлось обходить по чавкающему черному торфяному берегу, перебираться по сваленной давним ураганом сосне через ручей, дальше – опять через ельник, по торчащим голыми мшистыми уступами скалам, от них через очередную приболоченную низину, успевшую за лето подсохнуть, к относительно сухому бору...

Помощь побратима, способного одолеть это расстояние за два сильных взмаха крыльев, волхву бы сейчас не помешала – но у драконов, вестимо, и у самих хлопот полон рот. Война – она ведь для всех, ни один из народов в стороне не оставляет.

К полудню Атрамир, наконец, добрался до непривычно тихой деревни. Меж больших домов и маленьких жилищ стояли молчаливые, растерянные женщины и девушки. Наверное, впервые в жизни они оставались в селении без мужчин и теперь не знали, как поступать. То ли плакать, то ли делами заниматься, то ли девичники затеять, раз уж так случилось. Под их взглядами молодой волхв дошел до ручья, повернул вниз по нему, спустился до запруды.

– Ну, наконец-то! – поднялся ему навстречу многоопытный Избор в броне, украшенной соколиными и совиными перьями, что собирались в узор в виде головы большого голубоглазого ящера. – Шлем не забыл?

– В мешке, – ответил Атрамир. – А чего так тихо, где все?

– Уплыли все еще на рассвете, токмо мы тебя дождемся, – огрызнулся старик. – Давай бегом в лодку! На нос садись.

На воде возле берега покачивался широкий берестяной челнок, в котором уже сидели шестеро пареньков в доспехах. На поднятой мачте обвис широкий треугольный парус. Волхв послушно кинул внутрь мешок, забрался сам. Хорошенько толкнув лодку, вождь запрыгнул в нее, уселся на корме.

– С кем война, дядя Избор? – задал Атрамир мучающий его еще с самого рассвета вопрос.

– Знамо, с кем, – вздохнул воин. – Сказывают люди, Врата Демонов открываются. Крови жертвенной в этом году для их запора не нашлось. Кто за воротами живет, тебе ведомо.

– Но ведь это сказка, дядя Избор! – на разные голоса высказались сразу двое мальчишек. – Никаких демонов нет, это просто старая легенда.

– Молитесь небесам, земле и водам, чтобы это оказалось действительно так. – Воин поцеловал висящий на груди «паучий» амулет, путающий крадучие беды. – Ибо, если легенды окажутся верны хоть на малую толику, всех нас ждут озера мук и реки страданий. А пока слушайте и запоминайте! Я самый опытный и умелый воин нашего рода, хоть ныне уж и не самый сильный. Поставлен над вами, глупыми детьми, дабы вы живыми вернулись, но пользу, какую могли, принесли и опыту первого набрались. Слушать меня беспрекословно, и сперва каждое слово исполнять, а лишь потом вопросы глупые задавать! Понятно? А вторым вождем десятка нашего волхв Атрамир является! Долг его не столько драться, сколько увечных да побитых

исцелять и из сечи вытаскивать. Вы же ему в том должны стать верными помощниками и ни в чем не перечить! Все ясно?!

– Ясно, дядя Избор... Понятно... – закивали мальчишки.

Атрамир же, столь неожиданно оказавшийся одним из вождей, пусть и младших, расправил плечи.

– Чего распыхтелся, волхв? – неожиданно прикрикнул на него воин. – Сказывал я уже, на полдня от прочих мужчин мы отстали!

– А, сейчас... – спохватился Атрамир, распустил узел мешка, нашарил на дне ласточкино перо.

Взять с собой чародейские зелья он, как назло, не догадался. Однако, по счастью, кое-что осталось в мешке после занятий с альвами.

Поднеся перо к губам, волхв нашептал на него заговор единения с ветрами, затем сдул в рассветную сторону. Увлекаемый дуновением, с берега скатился прохладный плотный поток, туго наполнил парус и помчал легкую лодку по просторному Длинному озеру к начинающейся на противоположной стороне бурной протоке.

Через пару часов путники оказались уже на той стороне, на плечах обнесли пороги, скатились вниз по течению почти до самой Большой воды, преодолели еще одни пороги – и заночевали на песчаном берегу, спасаясь от муравьиных полчищ под защитой нашептанной Атрамиром веревки, для надежности смоченной настоем болиголова. С рассветом же снова спустили лодку на воду и с сильным попутным ветром понеслись на юг...

Еще до темноты они были возле реки Мутной, где застигли два попутных струга, вместе с ними дошли до перекатов, обнесли, переночевали, двинулись дальше. Теперь Атрамиру уже не пришлось заботиться о попутном ветре – его вызывал более опытный волхв попутчиков с восточного берега Большой воды.

У теплого Мутного озера к путникам примкнули еще четыре лодки, возле устья Мсты – еще две, и чем дальше они двигались, тем многолюднее становилась река. Избор даже начал беспокоиться, что в такой толпе маленький отряд просто не углядит своих сородичей. Однако молодой волхв успокоил, пообещал отыскать в любых толпах.

Между тем после волока на Тверцу попутчиков стало чуть не вдвое больше!

– Не верю, – глядя на запруженную лодками реку, покачал головой Атрамир. – Даже если демоны существуют, а Врата действительно способны открыться, разве найдется сила, способная одолеть столь бесчисленную рать?!

– Хватило бы места возле Врат, – отозвался с носа лодки бывалый воин. – Как бы меж родами ссора не началась за само право сразиться с демонами!

Однако Избор тревожился напрасно. Священное поле жертвоприношений на притоке Москвы оказалось обширным и без труда приняло на себя бесчисленные воинские отряды многих сотен родов из самых дальних концов Спасенных Земель. Влажный и низкий берег затапливался каждую весну и был неудобен для проживания – но вместе с тем был ровным, и посему окрест Врат Демонов луг можно было расширять и расширять, хоть на поприще, а хоть даже и на два, до ближних крупных рек и болот.

Здесь, среди бесчисленных лагерей и стоянок, опытный Избор сам отыскал родичей из Рипейского края и влил свой небольшой отряд в общий лагерь, сразу огорчив мальчишек:

– Похоже, место наше будет далеко от алтаря, и демонов на нашу долю не достанется. Старейшины порешили становиться в поле так, как на землях живем. Так что стоять нам на севере самыми крайними. В центре охотники срединные да болотники место себе урвали.

Однако уставшие за долгий многодневный переход подростки его не слышали. Добравшись наконец до цели путешествия и ощутив некое подобие покоя, они быстро попадали там, где хватало места вытянуться во весь рост, и вскоре уже спали, забыв даже про ужин. Вожди тревожить новичков не стали – ведь все они были кому младшими братьями, кому племян-

никами, а кому и детьми. Посему к слабости молодых отнеслись снисходительно. Тем более что наступал ежегодный праздник дня Спасения, и воины в который раз проверяли оружие, доспехи, луки и колчаны, прочее снаряжение, готовясь к битве, в которую на самом деле не очень-то верили.

Однако солнце медленно опускалось к горизонту, неумолимо скрадывая последний из дней, оплаченных невинной кровью.

* * *

Рассвет дня Спасения оказался на диво ясным. Безоблачное небо, накрывшее священное поле от края и до края, быстро светлело, одну за другой теряя звезды, и одновременно от своих стоянок один за другим подтягивались ратные отряды, занимая места округ Врат Демонов. Срединные земли не имели ни гор, ни ледников – и потому среди самых ближних воинов не было ни гмуров, ни драконов. Только люди и могучие волоты, что нарядились для битвы в броню из воловьей кожи, натянутой на сплетенные в три слоя из ивовой лозы панцири, и в шлемы из толстого дубового теса. Доски в ладонь толщиной были сшиты прочным сосновым корнем, а вместо подшлемников великаны напихивали себе толстый слой елового лапника. Из оружия у них ничего, кроме тяжелых дубин из цельных деревьев, не имелось.

Человеческие доспехи смотрелись куда красочнее. Тут были и холщовые панцири, стеганые или проложенные войлоком, вымоченные в соляном наговоренном отваре, высушенные и раскрашенные у кого под хищных зверей, у кого под сказочных чудовищ, а у кого – и просто цветами; тут были и плотно облегающие тело кожаные панцири, и броня из нарезанной из лосиных копыт чешуи. Кто-то обходился доспехом простым, кто-то украшал их шкурами или перьями, наклеивал амулеты или усиливал каменными пластинами вокруг шеи и на плечах, делал шлемы, неотличимые от звериных голов, украшал края доспехов когтями.

Люди имели и мечи из мореного дуба на поясах, и копыя с обсидиановыми или кремниевыми наконечниками, и топоры из прочного вязкого нефрита, и палицы, на каковые шли любые красивые камни, что попадались мастеру на глаза. В общем ряду стояли и обычные воины в шлемах простых или звериных, и волхвы, носящие шлемы в виде черепа, и прячущие лица под бело-черной раскраской, напоминающей костяк. Все остальные красили лица и руки кто во что горазд, а самую яркую окраску имели большие щиты, на плоской поверхности которых каждый давал полный полет своей фантазии...

Над первыми рядами армии Спасенных Земель вились стаи из многих десятков птиц. Многоопытные волхвы, которым не повезло оказаться в первых рядах, наблюдали за происходящим глазами пичуг, сознание которых они смогли захватить. Время от времени птицы уносились прочь и в высоту – подкормиться, но вскоре возвращались назад.

Уже перед самым рассветом к Вратам Демонов явился Малый Совет Спасенных Земель и расселся на деревянных пнях, стоящих по кругу вдоль алтаря. Величар и Ладомир ради такого дня оделись во все чистое, явившись в белых длинных балахонах из тончайшего ситца, накинутах поверх обычных рубах. Севший напротив альвов, за алтарем, Дивислав лишь накинул поверх плаща из медвежьей шкуры еще одну перевязь, на которой висел боевой нефритовый топорик. Его спутницей стала рыжеволосая и конопатая ворожея Неждана, посланница степных народов, завернувшаяся в невесомый плащ из кротовых шкурок. В предчувствии войны она тоже опоясалась легкой метательной палицей и длинным ножом. Шлема знахарка не надела, однако, как надлежит целительнице, нанесла рисунок, позволяющий раненым быстро найти помощь: выбелила лицо, сделала черные круги вокруг глаз, очертила треугольником нос, зачернила губы. Понятный с полувзгляда любому существу окрас воина, сражающегося не с людьми, а со смертью.

Остальные советники выглядели, как обычно. Оба волота остались в рубахах и лубяных обмотках, водяные девы одежды не носили вовсе. Не имели привычки наряжаться и могучие чешуйчатые драконы. Многие из них даже от заговоров защитных отказывались. Считали, что укрепляющие чешую чары портят яркость расцветки. Возможно, эти суеверия имели под собой какую-то основу. Во всяком случае, мудрый Огнезар, восседающий в Совете уже полтора века, дружащий с альвами и часто прибегающий к их мудрости, ныне уже почти полностью выцвел, став серебристо-серым, словно осенняя полынь, в то время как храбрый Жадомир, всего пять лет тому избранный взамен отошедшего на покой Экнура, переливался всеми оттенками коричневой чешуи, местами разбавленной рыжими, черными и белыми пятнами.

Гмуры же, в неизменно толстых кожаных робах, с тупоконечными мечами на перевязях и в шапках, усиленных полированными до цвета влажной осоки нефритовыми пластинами, – что в обыденной жизни, что в битве выглядели всегда одинаково.

– Призовем милость великих предков наших в сей час тревожный, други мои, – изрек Величар, едва члены Совета заняли свои места, и лучшие представители шести великих народов послушно замерли, прикрыв глаза и вспоминая дедов своих и прадедов. – Достойными будем предков наших, крови своей не пожалевших, дабы ворога безжалостного остановить, детей своих и жен от рабства спасти, мир радости и света, мир жизни и любви от гибели уберечь. Тридцать веков назад они не убоились демонов, собрав воедино силы шести народов, и отбросили их, и закрыли ворота в наши чистые земли, не попустив проникновения сюда зла и боли. Да будут благословенны имена мудрецов и воинов тех древних времен! Да будут благословенны имена тех, кто отдавал кровь свою и жизнь, дабы сохранять Врата Демонов закрытыми, кто ценою душ своих сохранял мир в Спасенных Землях!

Слова мудрейшего из мудрых прокатились по священному полю, заставив всех собравшихся потупить взгляды, отдавая дань почтения самоотверженности тех, от кого они унаследовали свои уделы.

– Солнце вот-вот коснется горизонта, чтобы выглянуть к нам и принести в наш мир новый день, – сложил ладони перед лицом худощавый чародей. – Это может быть день покоя, а может быть день скорби. Каковым он станет, зависит только от нас. Нет ли среди собравшихся того, кто готов отдать себя на благо счастливой ойкумены? Кто принесет высшую жертву, дабы оставить закрытыми Врата Демонов?

Священное поле ответило молчанием, и взгляды всех присутствующих устремились на высокий остроконечный камень с тремя гранями, потемневшими от многократно пролитой здесь крови. Высотой по грудь человека, он более всего походил на гранит, но... но сотни смертей, впитавшихся в холодный камень, превратили его во что-то другое. Что-то мрачное, угрюмое, извечное, дышащее злом и неумолимым роком. Что-то почти живое и кровожадное.

Воистину – Врата Демонов.

Мир стремительно наполнялся светом, звезды давно погасли, небо стало светлым и голубым, однако солнце, словно оттягивая грядущий ужас, не спешило выглянуть из-за горизонта. Но скрываться бесконечно оно не могло – и вот, наконец, над далеким горизонтом, волнистым из-за древесных крон, поднялся ослепительный край огненного светила, и его первые, уже прямые, лучи коснулись островерхого алтаря.

Все замерли.

– Мне кажется, или дымок какой-то показался? – зевнув, спросила русалка, вытянула откуда-то из-под себя гребень и принялась невозмутимо расчесывать волосы.

– Верно, парит что-то, – согласился гмур Кияшко. – Вестимо, роса подсыхает.

Действительно, от острия Врат Демонов потянулась вверх тончайшая светлая пелена.

– Что, и это все?! – громко возмутился Дивислав, подтянув перевязь, и положил руку на темно-красную рукоять меча с лезвием из розового оршанского кварца.

– Не торопись, смертный, – задумчиво приподнял палец Величар. – Мы же вовсе не ведаем, как они должны открываться.

Храбрый Жадомир, потоптавшись, вытянул длинную шею, прямо со своего места достал головой до алтаря, шумно вдохнул воздух и тут же недовольно фыркнул, отпрянув:

– Воняет как! Противно.

– Гнилой кровью? – поинтересовалась Неждана.

– Дегтем... Разным всяким, не токмо березовым. И прочим всяким еще.

Знахарка поднялась со своего места, приблизилась к Вратам Демонов, взмахнула ладонью, гоня аромат на себя:

– Да, верно... Токмо это не деготь. Но что-то подобное...

– Так демоны – это что? Вонь и дым?! – возмущенно вскочил Дивислав. – Мы собрались сражаться с вонючим дымом?

– Он растет! – указал на алтарь Величар.

Все повернулись к камню и заметили, что едкое колыхание, поначалу тонкое, как лоза, теперь имело уже ширину ладони.

Мудрый альв, проведя пальцем вверх, указал в самый зенит:

– Сей дым доходит до небес! Вы это заметили, достойные братья мои? – спросил он. – Вот они каковы, врата между мирами. Они раскрываются...

Пелена продолжала расширяться и вскоре стала размером с камень.

– Если это ворота, Величар, – сказал Дивислав, – то через них можно ходить. Но с какой стороны вход, с какой выход? Как ими пользоваться?

– Когда демоны войдут в наш мир, ты это увидишь, – степенно кивнула Захарка, попятившись на несколько шагов. Опустила руку на метательную палицу. – Готовы ли мы к этому, воины?

Ратные ряды ближайших родов зашевелились, перехватили удобнее копья, подвигали щитами. Великаны угрюмо вздохнули.

Но время шло, пелена продолжала расширяться, достигнув уже доброго десятка шагов в ширину, а демоны так и не появлялись.

– И долго нам ждать милости небес, братья мои? – не выдержал Жадомир. – Нужно заглянуть на ту сторону. Кто знает, может демонов больше нет? Может, все они вымерли еще тридцать веков назад и напрасно мы так долго боялись?

– Я полагаю, подобное...

Но что именно хотел сказать мудрейший из мудрых, так и осталось тайной, ибо известный своей безудержной отвагой дракон, не дожидаясь ничьих советов и указаний, двинулся вперед и исчез в странной вонючей пелене.

Дивислав вскочил, но Неждана упреждающе подняла руку:

– Не спеши, воин! Раз уж Жадомир успел уйти первым,ждемся его возвращения. Разведка должна быть тихой. Не стоит рваться в нее сразу всем.

Опытный вождь скрипнул зубами, но спорить не стал. Понятно, что крылатый дракон разведать сможет куда больше, нежели пеший человек. Попутчик ему будет только мешать.

Конечно, воин огнедышащего народа куда крупнее и заметнее воинов других народов, и разведку разумнее начинать людям, но... но теперь что-либо менять поздно.

Воин вернулся к своему пню, уселся на него, закинув ногу на ногу, и замер в ожидании, глядя, как слабо дрожащая, почти неразличимая пелена, расплываясь от алтаря, подкрадывается все ближе к членам Малого Совета.

Первыми, конечно, не выдержали мудрые, но слабые духом альвы – бросили свои места и отошли еще до того, как дымка подобралась ближе двух шагов. Гмуры, люди и водяной народ остались на местах, поглядывая друг на друга...

Пелена потемнела, из нее вырвался пахнувший горелым мясом, местами обугленный, местами без чешуи дракон с изрядно рваным левым крылом, крутанулся на прогалине между Малым Советом и первыми рядами армии Спасенных Земель. Остановился, тяжело, с надрывом, дыша.

– Что там?! Что ты видел?! – чуть не хором спросили его представители шести народов.

– Это ужас... – прохрипел храбрый воин огнедышащего племени. – Это мир смерти, это мир небытия и страдания. Там нет жизни, там пахнет грязью, гнилью, дегтем, гибелью всего сущего. Деревья там не растут, а чахнут в мертвой земле, вода гнила и недвижима, задушенная тиной. Там народ людей бродит без радости с тоской и унынием, ничего не видя вокруг. И все везде гудит, гудит, гудит... Там почти нет земли, все забито камнем. Везде скалы и скалы, изрытые множеством нор, словно превращенные в огромные соты. В этом мире смерти живут мертвые звери, что носятся из стороны в сторону, пожирая людей. Я видел, сам видел, как из этих зверей, раненых или убитых, выбирались мужчины и женщины и разбежались, радуясь спасению. Одного зверя я сразил огнем, и из него освободилось почти два десятка несчастных. Мыслью я, братья мои, демоны растят там людей, словно скот, дабы кормить ими мертво-живых тварей. А может, эти твари сами демоны и есть!

– Ты сражался с ними?! – непроизвольно Неждана взяла в руку метательную палицу.

– Нет, мудрая, – признался дракон, – этих зверо-демонов я разил с легкостью, почти не встречая отпора. Но в мире демонов смерть висит просто в воздухе и истребляет всех без причин по простой прихоти! Когда я вышел к бегающим тварям, смерть обрушилась на меня, едва не разорвав в клочья голову и попытавшись разгрызть тело. Я хотел сразиться с ней, но она не имела плоти!!! Она трещала и рычала, стегала меня болью, крючила и разрывала, но так и не появилась пред моими глазами. Я пытался скрыться от ее гнева, но она настигала меня снова и снова...

Речь Жадомира была странна и невероятна – но страшные черные раны на морде, на спине и боках дракона ужасали. Неведомое оружие местами обуглило чешую, местами сорвало ее с кожи, тут и там из могучего тела струилась кровь.

– Я помогу тебе, воин! – спохватилась знахарка и кинулась к дракону, расстегивая поясную сумку.

– Я был готов драться, но я не видел врага! – продолжил свой рассказ огнедышащий храбрец. – Я хотел взлететь, но огненная смерть била меня и пеленала. Я жег бегающих зверо-демонов, а они топтали меня своими крохотными лапами и бодали твердыми лбами, я пытался укунить напавшую смерть, но мои клыки не могли ее нащупать. Я звал на бой равного врага, но никто не откликнулся на мой призыв. И тогда я понял, что не смогу сыскать ратной славы в этой безумной битве с пустотой. Я решил хотя бы рассказать вам обо всем увиденном и предупредить вас об опасностях мира демонов. Врата открылись в самый мрачный ужас, какого не смогли придумать даже сказочники, чтобы пугать детей страшилками. Уныние и безнадежность, смерть и рабство, камень и уродство – вот что ждет нас по ту сторону Врат!

– Ты говоришь, демоны кормят людьми мертвых зверей? – набычился Дивислав, тиская ладонями рукоятки меча и боевого топорика. – И растят их на еду, словно траву для выпаса?

– Ты увидишь это сам, брат мой, если пожелаешь пройти через Врата.

– Мы воины. Наш долг защищать слабых, уничтожать опасное зверье, бороться за свободу и жизнь своих народов. Разве не должны мы освободить своих сородичей от позора и угнетения? – Вождь вопросительно посмотрел на побелевших от услышанного альвов.

– Может статься, если мы не станем проходить через врата, демоны их просто не заметят? – с надеждой предположил Ладомир.

– Такая тайна не может храниться долго, – возразил вождь. – Рано или поздно открытые врата будут найдены! Уж лучше войти в них самим и оборонять с той стороны, не попуская врага в Спасенные Земли!

– Ты слышал сам, Дивислав, по ту сторону раскинулась земля смерти, ужаса и гибели. Стоит ли нам соваться туда по своей воле?

– Когда мы боялись смерти?! – повернулся к собравшимся ратям вождь, и бесчисленные тысячи воинов поддержали его приветственными криками. – Пусть она боится нас!

– Прошло тридцать веков. Может статься, демоны ныне уже не столь злы и кровожадны? Может, с ними сумеем договориться о мире?

– Ты хочешь говорить о мире с тварями, которые кормят нами свой скот?!

Внезапно пелена потемнела снова, и из нее вышло стройными рядами больше полусотни странных человекоподобных чудищ. Все черные сверху донизу, с уродливо выпяченными плечами, локтями и коленями, с глянцевыми черными шарами вместо голов. Все они были вооружены щитами и тоже черными дубинками.

– Де-е-емоны-ы!!!

Никто не успел ничего сказать, отдать хоть какие-то приказы, принять решение, призвать к атаке или отступлению – а собравшаяся на битву армия грозно взревела, опустила копьё и кинулась на врага.

Черные уродцы оглушительно загрохотали сизыми дымами – отчего некоторые воины, вскрикивая от боли, попадали с ног, – потом исторгли из себя ядовитые миазмы, столь едкие, что закашлялись и заплакали даже стоящие поодаль члены Совета. Люди, попавшие под эту волну зловония, падали, крЮчились, стонали – но место сраженных занимали новые храбрецы, разившие демонов, напиравшие на них, стремившиеся нанести перед смертью хоть один смертоносный удар. Демоны попятились, не переставая грохотать, плевать ядом и трещать странными искрами, парализующими тела судорогами. Однако никакое колдовство не смогло остановить напор воинов Спасенных Земель – и демоны дрогнули, побежали, были выброшены за белесую дрожащую пелену.

– Ну вот, Величар, – снисходительно усмехнулся вождь народа людей. – А ты думал, что демоны непобедимы! Сегодня же мы освободим людей из рабства, снимем шкуры с мертвоживущих зверей, а из голов демонов выточим себе чаши для веселых пиров! Тридцать веков изменили нас, мудрый альв. Ты полагал, кровожадные порождения ада всех нас порабощат и истребят? Ты ошибался. Это мы истребим их всех до последнего!

Пелена Врат Демонов дрожала и расползалась, постоянно то темнела, то светлела, пропуская сквозь себя все новые и новые сотни людей, десятки великанов и множество пролетающих на широко раскинутых кожистых крыльях драконов.

Обещанный жителям Спасенных Земель день скорби внезапно оказался для них днем невероятного торжества!

Клоуны

Старший лейтенант Антон Чикинин командовал тремя машинами, замыкающими автоколонну отряда «Зубр» московского ОМОНа. Не просто машинами – тремя новенькими «Тиграми»: семь тонн веса, колеса высотой в метр, триста лошадей движки, пятимиллиметровая броня по всему корпусу, пулемет на турели над люком, девять человек экипажа... Не машина – самый настоящий скоростной танк.

Правда, даже самым полицейским было не очень понятно, зачем нужен танк в городе, где оружие страшнее петарды встречается раз в месяц, да и то при зачистках на рынках или в ночных клубах, а никак не на митингах или футбольных потасовках. Но раз приказано взять в усиление все, что можно, – все и взяли. Посему и мчались спереди и сзади колонны из восьми «пазиков» по три могучих броневика с оружием и боекомплектom.

Колонна шла с мигалками, и потому остановка на улице Госпитальный Вал, неподалеку от Введенского кладбища, лейтенанта удивила.

– Давай, на встречу выверни, – приказал он водителю. – Один черт, она чего-то пустая.

Сержант спорить не стал, выкручивая руль влево, – но тут же выяснилось, что такими умными оказались почти все, и встречная полоса оказалась перекрыта автобусами. Антон чертыхнулся, махнул бойцу, чтобы тормозил, сам выскочил из салона, перепрыгнул с разбега невысокий заборчик газона и остановился у тротуара, привстав на цыпочки. Перед головными «Тиграми» различались белые, черные, синие, серебристые пятна. Крыши легковушек. Похоже, впереди собрался изрядный затор.

По крышам машин кто-то прыгал, мелькало что-то, издали плохо различимое.

Двери автобусов раскрылись, ОМОН стал выгружаться. Бойцы на ходу застегивали шлемы, поправляли амуницию, заправляли руки в лямки щитов.

– Пошла движуха... – Лейтенант побежал к своей машине, открыл дверцу, схватил микрофон рации: – Тройка, я – Девятый! Жду ваших распоряжений!

– Антон, выгружайся и вставай сзади в оцепление, чтобы нам за спину никто не зашел. – Капитан Орешин, как всегда, позывные игнорировал. – Все дворы вокруг проходные, черт бы их побрал, не перекрыть... Тут клоуны какие-то крашенные в перьях, не иначе, день открытых дверей в психушке. Будем паковать.

– Понял, Тройка, выполняю! – Старший лейтенант отключился, замахал руками: – Ребята, выгружаемся! Экипаж сержанта Мязенцева перекрывает проход между домами четной стороны, экипаж сержанта Соклаво – нечетную сторону. Остальные со мной, автобусы на нашей совести.

Полицейские стали расходиться по местам, опуская на лица балаклавы.

Чикинин вернулся на газон, поднялся ногами на ограду, чтобы видеть подальше. Хотя большого успеха не добился: теперь обзор загоразживала плотная черная шеренга бойцов «Зубра» в глянцевах шлемах. Вот шеренга колыхнулась, замелькали над головами черные дубинки. Через несколько мгновений то тут, то там появились легкие облачка – кто-то распылял перцовый газ.

– Похоже, дело серьезное... – прошептал лейтенант, оглянулся на своих бойцов, безмятежно сгрудившихся между домами, громко окликнул: – Мязенцев, Соклаво! Давайте ближе сюда, перекрываем улицу.

И тут внезапно шеренга впереди разорвалась, бойцы стали пятиться, сбиваясь в группы и отчаянно отмахиваясь от размалеванных под папуасов демонстрантов, снаряженных папуасскими же щитами и палками в перышках. Вроде и смешно, однако против ОМОНа, имеющего при себе только палки, потерявшего щиты и израсходовавшего весь газ, дикарское оружие действовало очень даже эффективно, и многие полицейские уже бежали к автобусам. Причем

«папуасов» было явно больше. Очень сильно больше. Счет явно шел на сотни. ОМОН отступал, быстро тая, и уже поравнялся с автобусами.

Лейтенант все еще колебался, не зная, что делать, и тут на жиденькую цепочку его группы внезапно обрушился целый дождь стрел.

– А-а-а, блин! – Соклаво, матерясь, выдернул одну из руки. Еще две торчали у него в шлеме.

Боец рядом с ним схватился за ногу. На другой стороне улицы раненым сразу двумя стрелами в предплечье оказался один полицейский. Остальные омовцы успели поднять щиты – однако стрелы пробивали тонкий металл, пусть даже и застревая в нем где-то серединой древка.

В сотне шагов впереди «папуасы» прижали потерявших строй полицейских к стене розовой, как бант новорожденной девочки, пятиэтажки и явно старались забить, не давая вынести раненых. На другой стороне улицы строй кое-как сохранялся – однако преимущество ряженных клоунов в числе и оружии было очевидно. Отбиваться резиновой палкой от топоров и дубинок...

– Сержант Мязенцев, к пулемету! – холодея внутри, приказал Чикинин. – Открыть предупредительный огонь!

– Есть! – Полицейский прыгнул в замыкающий «Тигр», через мгновение откинул люк, передернул затвор пулемета и тут же выпустил чуть выше крыш длинную очередь, зачем-то вода стволом из стороны в сторону.

«Папуасы» даже не дернулись, но на стрелка откуда-то из глубины улицы моментально обрушился целый рой стрел. Наверное, с полсотни бессильно простучали по крыше, скользнули по бронику, несколько вонзились в шлем, но одна нашла-таки просвет между шлемом и жилетом, вонзившись под подбородок. Боец схватился за горло и провалился в люк.

– Проклятье! – Лейтенант кинулся к своей машине, откинул люк, поднялся, усаживаясь на сиденье, рванул затвор. На пару секунд заколебался, а потом выдохнул: – Здравствуй, тюрьма пожизненно... – и нажал на гашетку, длинной непрерывной очередью выкашивая толпу, забивающую полицейских возле дома.

Однако толпа оказалась неожиданно живучей – с ног упало не больше десятка «папуасов», да и те частью стали отползать, частью поднялись снова, а по машине, по голове лейтенанта деловито застучали стрелы, каким-то чудом не ранив руки – хотя рукава и оказались продырявлены в нескольких местах.

Из-за автобусов, прямо по тротуару, раскидывая размалеванных дикарей, промчался «Тигр» капитана, остановился, из его пулемета по врагу тоже открыли огонь, давая прижатым к дому полицейским возможность отступить.

– Антон, машину убери! – заорала рация. – Ты автобусам дорогу загромождаешь!

– Слышал?! Отъезжай! – крикнул на водилу лейтенант, ныряя в салон за новым коробом с патронами вместо опустевшего.

Снаружи грохотало уже несколько пулеметов. «Зубр» отбросил сантименты и дрался теперь в полную силу. Поток стрел, направленный уже не на одного воина, а на шестерых, ослаб, и Чикинин, перезарядив оружие, стал вести огонь уже более спокойно и прицельно, не подпуская «папуасов» к автобусам. Те прятались за щитами, оказавшимися, похоже, пуленепробиваемыми. ОМОН и сам пользовался такими при штурмах домов с вооруженными бандитами. Пока, по счастью, только на тренировках. Откуда такое снаряжение взялось у ряженных клоунов – оставалось только гадать.

Автобусы, один за другим, стали выезжать, увозя раненых. Уцелевшие «зубровцы» пятились по улице вдоль домов. Особого толка от них, с дубинками, не было, однако чувство собственного достоинства бежать с поля боя не позволяло.

– Антон! – опять ожила рация. – Отъезжай сразу за колонной!

– Русские не отступают! – в горячем азарте закричал лейтенант, меня очередной короб.
– Тебя дворами обойдут, идиот! – ласково вразумил капитан. – Отступаем до перекрестка, оттуда поперечную улицу насквозь простреливать можно!

Сержант за рулем, не дожидаясь приказа, принялся разворачивать «Тигр», пока лейтенант короткими очередями отбивал у «папуасов» охоту подобраться ближе.

– Кто отдал приказ применять оружие?! – грозно спросила рация. – Тройка, кто отдал приказ открыть огонь? Среди гражданских есть пострадавшие?

– Какие, в жопу, гражданские?! – рявкнул в эфир капитан. – Это у нас потери в полтораста «трехсотых»! Патроны подвозите, пока мы еще держимся!

– Тройку до завтра или уволят, или орденом наградят, – меланхолично произнес сержант, на максимальной скорости подлетая к перекрестку, повернул влево, чтобы встать в ряд с остальными «тиграми», и затормозил.

– Теперь точно фиг докажешь, кто первый огонь открыл, – ответил Чикинин, наводя пулемет.

Поняв, что щиты клоунов не пробить, он стал вести огонь понизу, по ногам. Дикари, утащив в тыл несколько своих товарищей, утратили наступательный пыл и застряли возле Ухтомской улицы. Стрелы оттуда до перекрестка не долетали, а потому омоновцы чувствовали себя относительно спокойно, отпугивая странного врага редкими короткими очередями.

Краем глаза старший лейтенант увидел на тротуаре, на углу дома, девушку, снимающую его на «айфон». Хотел крикнуть, чтобы спасалась, но, едва повернув голову, понял, что сегодня станет звездой Интернета. Зевак с планшетами, телефонами, фотоаппаратами и камерами на Боровой и Гольяновской улицах собралось чуть не больше, нежели «папуасов» перед полицейскими. Желание запечатлеть красивый кадр начисто затмевало у горожан всякий страх смерти.

Или они просто не понимали, что здесь опасно?

Низко над улицей промелькнула тень. Лейтенант поднял голову – и у него отвисла челюсть. Над перекрестком, на высоте пятого этажа, завис, тяжело взмахивая огромными крыльями, серо-ржаво-коричневый дракон размером со среднемагистральный самолет. Зверь резко склонил трехметровую шею с расплюсченной головой и исторг на командирскую машину, ведущую огонь, струю темно-малинового пламени.

Тут же летучий зверь, явно не имеющий сил долго держаться на одном месте, скользнул вдоль улицы, а «Тигр» ярко взорвался, выбросив стрелка из люка на высоту метра в три. Через пару секунд распахнулись дверцы, наружу вывалились еще два человека экипажа, покатались по асфальту, сбивая пламя. По счастью, форма полицейских была негорючей и потому потухла почти сразу.

Антон Чикинин выпустил длинную очередь в сторону «папуасов», двинувшихся было вперед, снова глянул в сторону товарищей. Стрелок, серьезно ударившийся при падении, шевелился, отмахиваясь от чего-то невидимого, – товарищи по экипажу кинулись к нему, подхватили под мышки, потянули в сторону, за дома. Зеваки расступились, продолжая снимать все происходящее.

Дракон же, набрав к концу улицы высоту, развернулся и пошел в новую атаку. Все пять пулеметов открыли огонь навстречу, однако калибр в семь с небольшим миллиметров, похоже, был для огромного зверя неощутимо мелким. Поняв это, лейтенант резко повернул ствол на «папуасов», начавших наступление, удачно попал длинной очередью под приподнятые щиты, а когда до летучей зверюги оставались считанные метры, провалился вниз, захлопнув люк.

Как чувствовал – малиновая струя вылилась именно на его «Тигр», жалобно захрустевший, затрещавший по углам, внутри стало невероятно жарко. Но, по счастью, совсем ненадолго. Уже через несколько секунд за почерневшими от копоти окнами посветлело, и Чикинин толкнул люк, высунулся наружу, жадно вдыхая прохладный воздух.

Бронемашина вся почернела и лишилась краски, в нескольких местах – там, где раньше стояли пластиковые заглушки или оставались наклейки, – плясали язычки пламени. Короб под пулеметом оказался разворочен в клочья: похоже, патроны нагрева не выдержали и полыхнули. Но в целом...

Лейтенант отстегнул короб, отшвырнул в сторону и крикнул вниз:

– Сержант, патроны!!!

Водитель, кинувшись к грузовому отсеку, вернулся с новым коробом, Чикинин воткнул его на место, кинул ленту, передернул затвор, нажал гашетку. Оружие загрохотало, отгоняя крашенных клоунов обратно к запретной черте.

Все работало!!!

Лейтенант бросил быстрый взгляд влево и вправо. На перекрестке продолжала гореть только одна машина, еще четыре оставались в целости. Отступившие пешим порядком омоновцы оттеснили зевак на пару сотен метров. Причем те, мало того, что не расходились, их вроде бы стало даже больше. Спасибо, телекамеры пока еще никто не поставил.

Чикинин спрыгнул в салон, взял микрофон:

– Семнадцатый и Девяносто второй! Говорит Девятый. Меняю вам сектора обстрела. Смотрите вдоль улицы, следите, чтобы противник не стал ее перебегать, не обошел нас дворами! Как поняли?

– Вас понял, Девятый, выполняю... – по очереди отозвались сперва одна, затем вторая машина.

Лейтенант высунулся из люка. Крайние «Тигры» не просто повернули стволы, но и отъехали со своих мест глубже на боковые улочки.

В небе снова мелькнула тень – Чикинин торопливо провалился в люк. Но в этот раз драконово пламя досталось не ему, а соседнему броневнику. Тот из серо-синего стал черным с цветами побежалости, с черными от копоти окнами, однако экипаж явно не пострадал, стрелок поднялся к пулемету сразу, едва только зверь отлетел, пристегнул короб с патронами и тут же открыл огонь.

За спиной послышался вой сирены. Это мчались вызванные к раненым «Скорые».

– Хрен вам, придурки ряженные, – снова припал щекой к прикладу старлей. – Не возьмете!

* * *

В это самое время лейтенант Кравцов сидел в патрульном «Форде», наблюдая из тиши Аптекарского переулка за обстановкой на Бауманской улице. Однако сейчас его внимание куда больше отвлекали доносящиеся из радиии странные истошные вопли:

«Помогите, тут дракон! Он спалил рейсовый трамвай!»

«Помогите, они хватают машины и бросают их с высоты на крыши!»

«Эти придурки расстреляли нашу машину из луков!»

«Меня кто-нибудь слышит? Тут великан! Тут самый настоящий великан! Помогите!»

Не выдержав потока безумного бреда, лейтенант схватил микрофон и грозно спросил:

– Кто там балуется на служебной волне?! В тюрьму захотели?!

В этот миг с отчаянным визгом резины с Бауманской улицы в переулок влетел джип с несколькими длинными стрелами в радиаторе, капоте и лобовом стекле и на всей скорости врезался в стену. Еще несколько стрел прямо на глазах у лейтенанта вонзились в проезжающий напротив сиреневый «Гольф». Почти тут же за бампером опустилась огромная ступня, обутая в лапоть из толстой лохматой коры. Из ступни вверх шла нога, которая на высоте второго этажа скрывалась под рубищем, надетым на пузатого человека, ростом своим доходящего до окон шестого этажа, в шапке, сколоченной из толстых досок, а в руке сжимавшего где-то выдернутое дерево прямо с короткими, торчащими во все стороны корнями.

Великан повернулся лицом к переулку, задел боком фасад офисной высотки, и с него вниз, разбрызгивая воду и паря фреоном, посыпались кондиционеры. Гигант тут же повернулся обратно, наклонился к одному из окон и оглушительно в него зарычал – так, что все стекла едва не повывлетали.

По улице между тем бежали какие-то дикари в шкурах и звериных головах на макушках, с копьями и щитами, стреляли куда-то из луков. Но Кравцова они уже ничуть не впечатлили. Он подтянул к себе микрофон и горячо в него зашептал:

– Меня кто-нибудь слышит? Тут великан! Тут самый настоящий великан! Помогите-е-е!

* * *

На проходной «Следственного комитета» дежурный стоял, нажав кнопку тревоги и задрал голову к крыше здания. Тревожная группа, вылетев из-за бронированной двери возле главного входа, добежала до него через двенадцать секунд, держа наготове автоматы и напряженно выискивая глазами цель. Однако улица выглядела вполне обыденно, и у проходной не стояло ни одного человека.

Старший группы силой оторвал палец дежурного от кнопки и тихо спросил:

– Костя, ты сбрендил?

Дежурный не ответил, и тогда старший группы проследил за его взглядом. И увидел на краю крыши переминающегося с лапы на лапу гигантского динозавра – раза в три больше того, что в «Парке юрского периода» сожрал нерадивого бухгалтера. Причем этот был еще и с крыльями. И покрыт чешуей. И что-то клекотал, сосредоточенно осматривая окрестности черными вертикальными зрачками.

Кто-то громко сглотнул – вверх смотрели уже все.

– ПЗРК? – неуверенно предложил кто-то из бойцов.

– Головка наведения не захватит, – ответил другой.

– И их у нас нет, – закончил старший и нажал кнопку рации: – Хата, я – Цепь. У нас на крыше динозавр. С крыльями. Какие будут приказания?

– Друг, ты идиот! Нашел время шутить! На пост возвращайтесь, пока вам пистонов никто не наставлял!

– Понял, выполняю, – выдохнул старший.

– Командир! – окликнул его замыкающий боец. – Перекресток!

Начальник тревожной группы повернул голову и увидел, как трамвай перешагивает громила ростом с пятиэтажный дом, неся в руке дубину из цельного дерева. Вокруг него суетились человечки с копьями, луками и щитами, в меховых плащах и с раскрашенными в разные цвета лицами. Вся эта толпа азартно стреляла по сгрудившимся машинам, колола их пиками, била палками. Прохожие разбежались с визгом в разные стороны, однако их никто не преследовал.

– Леша, ты видишь то же, что и я? – спросил старший.

– Раз ты спрашиваешь, значит, да.

– Костя, а ты?

– Гигантский тролль прихлопнул ногой «Мицубиси». Вроде как прошлогоднего модельного ряда.

– Так, понял, это у нас у всех.

– Что делать будем, командир?! – повел стволом замыкающий.

– Не-не-не... – начиная пятиться, покачал пальцем старший. – Нам приказано вернуться на пост – значит, на пост. Костя, закрывай решетку ворот, и блокируем периметр. Все, уходим на хату.

* * *

Сержант Бояркин, постукивая по ладони резиновой дубинкой, стоял у входа на эскалатор в вестибюле станции «Бауманская» и лениво просматривал взглядом тонкий ручеек пробегающих через турникеты пассажиров. Просматривал, можно сказать, насквозь, поскольку из-за свалившейся на город жары из одежды на большинстве были только рубашки. Да легкие платья. Редко – пиджаки. Да и те расстегнутые. Тут на себе ничего не спрячешь, не то что зимой. А редких субъектов с тяжелыми сумками и бегающими глазами всегда можно послать через рамку металлодетектора.

Внезапно привычное течение потока изменилось – люди рванули к турникетам не просто торопливо, а уже со всех ног, тревожно оглядываясь.

Сержант, удивленно хмыкнув, оторвался от рамки, двинулся в главный вестибюль... И увидел, как двое его бойцов сцепились с какими-то панками, одетыми в шкуры и размалеванными красками. Бойцы выталкивали панков за двери – те напирали, что-то вопя и размахивая палками с насаженными на них камнями.

– Ну-ка, стоять, бояться! – рявкнул Бояркин, решительно направляясь к ним, но тут из соседних распахнутых на улицу дверей появились еще трое панков: одеты, как кретины, взгляд шальной, в руках – такие же палки. Сержант резко повернулся к ним, вытянув руку: – На пол барахло свое положили и лицом к стене!

Панки невнятно заурчали, разводя руками, а один палку с камнем вскинул. Получать такой штукой по голове Бояркину не хотелось, а потому он с ходу ударил ненормального торцом палки в солнечное сплетение. Послышался глухой удар – оказывается, под странным нарядом было что-то вроде фанеры. Не пробить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.